

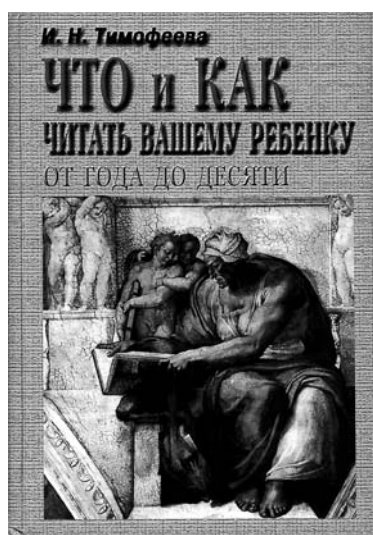

ЧТЕНИЕ — ПРАЗДНИК ДУШИ

Инесса ТИМОФЕЕВА

«Что и как читать вашему ребенку от года до десяти»

(Продолжение. Начало см. № 4, 5. 2006 г., № 1. 2007 г.)

Дорогие читатели, мамы и папы, бабушки и дедушки, братишки и сестренки, дяди и тети, все те, кто взялся за непростой, но благородный и благодатный труд воспитания малыша!

Сегодня вашему вниманию предлагается следующая глава книги «Что и как читать вашему ребенку от года до десяти» — «Книга и игра».

«В наше время значение игр по книгам стало больше, потому что дети, растущие на телепередачах и «видиках», читают нетерпеливо, поверхностно, а игры по книгам останавливают их внимание на тексте, побуждая запоминать его и воспроизводить в своем воображении, наслаждаясь художественным словом», — пишет Инесса Николаевна Тимофеева.

Далее автор отмечает: «Игры по книгам трудно переоценить: это и творческое повторение прочитанного, и тренировка памяти, и развитие воображения, и прекрасная школа родной речи, и развитие чувства юмора».

Различаются и виды игр по книгам, их множество: поэтическая игра, играспектакль, ролевая игра, литературная игра.

Игра для малыша — это его жизнь. Игры по книгам нацелены на добро и благородство души, на приобретение знаний, на полезный труд. Дитя играет — и растет вашим другом, вашим помощником, просто хорошим человеком. И это очень много!

«Когда ваш ребенок станет взрослым, что он вспомнит из своего детства? Поверьте: он забудет и лакомства, и обновы, но не забудет, как отец и мать играли с ним. И это воспоминание согреет его сердце».

ИЗ РАЗДЕЛА I

РОДИТЕЛЯМ — О ДЕТСКОМ ЧТЕНИИ

КНИГА И ИГРА

«Я не знаю, во что мне играть», — часто жалуются дети. Детское воображение и фантазия постоянно нуждаются в пище. И ее щедро питают книги. Только для этого с детьми надо играть.

Педагоги считают, что до трех лет ребенок нуждается в каждодневных играх со взрослыми, но ведь в этом возрасте за детьми и так следят постоянно, значит, повторяем, речь идет не о времени, а о том, как общаться с малюткой.

Что же касается ребят четырех-пяти лет, то с ними можно играть уже один-два раза в неделю, по 15—20 минут. Остальное время они играют сами. В играх с детьми до трех лет инициатива принадлежит взрослому, он определяет и ход игры, позднее малыш жаждет все большей самостоятельности. Но это не значит, что ему не нужно руководство. Нужно, но тонкое, ненавязчивое, как желанная подсказка.

Однажды Настя сорвала цветок шиповника и положила в него пух одуванчика. «Ты сделала постельку для Дюймовочки?» — спросила я. Обрадованная девочка добавила лепесток, как одеяльце, положила постельку под куст и приспособила, как зонт, лист лопуха. Я поняла — на случай дождя. И мы пошли дальше.

Увы, некоторые родители не учитывают изменившейся психологии и возможностей ребенка и по-прежнему регламентируют игру с начала до конца. Тем самым докучают ему, а главное, мешают развитию самостоятельности, инициативы, выдумки, фантазии...

Игры по книгам будут эффективнее, если вы играете с ребенком и в другие игры. Играете как партнер, а не учитель, играете не снисходительно, а всерьез, заинтересованно, азартно. Не даете фору: ведь в игре со сверстниками он не получит спуска, а претензии на особые права вызовут отпор.

Учите взаимодействовать в игре, но и поощряйте, когда ребенок увлеченно и сосредоточенно играет один. Драгоценная привычка оставаться с самим собой — залог развития. Ваш ребенок живет в детской среде, поэтому, играя с ним, особенно на прогулках, вы играете и с другими ребятами, влияя на них. Прогулки — часы счастья и воли. Увы, есть мамы и бабушки, которые напрасными окриками и запретами травмируют ребенка, наказывают по пустякам. То и дело слышится детский плач.

Детская игра — благоприятный момент для наблюдения за характером сына или дочки и для корректировки их поведения. Расскажу случай из своего детства. Мне было лет пять, когда я затеяла такую игру. **Мы с любимой куклой дразнили другую, нелюбимую. Мне казалось это очень остроумным, пока я вдруг не услышала укоряющий голос отца: «За что вы обижаете бедную девочку?!» В одну секунду всё стало ясно и стыдно. Жизнь прошла, а я всё помню...**

Вникая в игры по книгам, вы получаете дополнительные возможности для воспитания своих детей. Так, ребята любят изображать проказы Буратино и Карлссона. Пусть веселятся, только предложите разыграть и те эпизоды, из которых видно, что герои не только шалуны, но и хорошие товарищи, и верные друзья.

Мальчики могут очаровываться и злодеями, восхищаясь грубой силой: «Я — Карабас, у меня есть плетка! Все меня боятся!». В этом случае напомните сыну, чем кончил этот злодей (его победили Буратино и его друзья).

Педагоги считают, что до трех лет ребенок нуждается в каждодневных играх со взрослыми, но ведь в этом возрасте за детьми и так следят постоянно, значит, повторяем, речь идет не о времени, а о том, как общаться с малюткой.

Мальчики могут очаровываться и злодеями, восхищаясь грубой силой: «Я — Карабас, у меня есть плетка! Все меня боятся!». В этом случае напомните сыну, чем кончил этот злодей (его победили Буратино и его друзья).

Для игр с малышами нужны игрушки: куклы, мишки, зайцы, собаки, автомобили, самолеты, солдатик. Не обойтись без кубиков, колец от пирамидок. Но если под рукой нет нужной игрушки — не огорчайтесь, а играйте с предметами-заменителями (палочками, камушками и др.), которые могут изображать и лягушку-квакушку, и мышку-норушку, и всё, что надо. Так велика у ребенка сила воображения, и так самозабвенно он играет.

Детская природа противоречива. С одной стороны, ребенок мыслит конкретно. Однажды в холодный, осенний день я сказала Насте: «Не лезь в лужу. Придем домой мокрые, папа в обморок упадет!» — «Куда упадет папа?» — встревожилась девочка. Но, с другой стороны, ребенку доступна такая сила абстрагирования, которая у взрослых присуща только великим ученым.

Расскажу, как Настя (3,5 года), изображая воспитательницу детского сада, возила «деток» на прививку к доктору (ко мне). В кукольную коляску она посадила не только кукол, но и мишку, зайца, собачку, динозаврика и даже Барби с мужем Кеном... Здесь все они были заменителями, изображающими «деток», а их собственные признаки были ни к чему.

Знаменитый писатель Б. Житков считал, что у Дмитрия Ивановича Менделеева сохранилась эта особенность детского мозга: перебирая химические элементы, он отметал все их свойства, кроме одного — удельного веса, и заметил закономерность, которая оказалась величайшим научным открытием.

В наше время значение игр по книгам стало больше, потому что дети, растущие на телепередачах и «видиках», читают нетерпеливо, поверхностно, а игры по книгам останавливают их внимание на тексте, побуждая запоминать его и воспроизводить в своем воображении, наслаждаясь художественным словом.

Игры по книгам трудно переоценить: это и творческое повторение прочитанного, и тренировка памяти, и развитие

воображения, и прекрасная школа родной речи, и развитие чувства юмора. Благодаря игре ребенок, еще не овладевший активной речью, улавливает смысл песенки, стихотворения:

Маша варежку надела,
(называем имя своей дочки:
Даша, Лена, Катя и т. д.)
Ой, куда я пальчик дела?
Нету пальчика, пропал,
В свой домишко не попал.
Маша варежку сняла.
Посмотрите-ка, нашла.
Ищешь, ищешь и найдешь!
Здравствуй, пальчик, как живешь?

(«Варежка», Н. Саксонская)

Когда Насте было полтора года, эти стихи читала ей я, а в три она сама «беседовала» с пальчиком. С помощью игры мне удалось в три года пересказать ей сказку Редьярда Киплинга про слоненка, которому крокодил вытянул короткий нос. Я надела на Настин пальчик резинку и растянула, а потом пошутила: «Хочешь, вытяну и твой носишко?» — «Давай», — обрадовалась девочка, — «Ты хочешь, чтобы у тебя был хобот?» — «Да! Да».

Этот забавный случай ярко выявляет еще одну особенность младенческой психики — дитя живет мгновениями, не в силах посмотреть и на полшага вперед. Недаром медвежонок Винни-Пух горевал, что у него «короткие мысли».

Игры по книгам бывают четырех видов: 1. поэтические игры; 2. игры-спектакли; 3. ролевые игры; 4. литературные игры.

Поэтические игры — это игры со звуками и словами. Мы, взрослые, давно утратили свежесть и новизну восприятия языка, а маленькие дети любят звуки и слова, упиваются ими, только мы обычно этого не замечаем. А жаль! Сколько радости вы принесете своему ребенку, играя с ним звуками и словами, и как «подвинете» его развитие! Когда Насте было 1,5 года, мы играли в звуки, что помогло ей впоследствии научиться читать.

В наше время значение игр по книгам стало больше, потому что дети, растущие на телепередачах и «видиках», читают нетерпеливо, поверхностно, а игры по книгам останавливают их внимание на тексте, побуждая запоминать его и воспроизводить в своем воображении, наслаждаясь художественным словом.

В поэзии для маленьких есть песенки и стихи со звукоподражанием и игрою ритмом и рифмой:

Дин, дон, дин, дон!
Дон, дон, дон, дон!
Загорелся кошкин дом!

(«Кошкин дом»,
русская народная песенка)

Эти короткие, звонкие слова придуманы для детского уха и детской гортани.

Гуляю я в лесу, ку-ку!
И песни я пою, ку-ку!
А где-то в вышине, ку-ку!
Кукушка вторит мне, ку-ку!

(«Кукушка»,
австрийская народная песенка)

Малютка, еще не умеющий говорить, пытается повторять концовки фраз, сначала с мамой, потом один.

Об игровой поэзии скажем позже, а здесь остановимся на том, как с ее помощью воспитывать у детей чувство юмора.

Умение общаться с детьми предполагает и умение веселить их, владеть детским юмором. Это совсем не трудно. Ребенка смешит нарушение порядка вещей. Однажды я по ошибке назвала Игоря Олегом, дети рассмеялись. Потом я нарочно ошибалась, вызывая ребячий восторг.

Детский юмор — это перевертыши и небывальщины. Как-то Митя и Настя на прогулке пили лимонад из бутылочек, и мальчик оговорился: «Я пью чай». «А я — кошку», — сказала я, ребята тотчас подхватили и стали играть в чепушинку, наперебой называя самые неподходящие слова: «Я пью (дом, мяч, бабушку, качели и т. д.)». Долго веселились.

Детская дурашливость — первоначальное, еще примитивное чувство юмора, но это вовсе не значит, что маленьким доступно только оно. Насте было три года, когда ее смешили такие стихи:

Я умница-разумница.
Об этом знает вся улица:
Петух да курица...

Воспитанию тонкого, умного юмора способствуют стихи с игрою слов (Бориса

Заходера, Самуила Маршака, Эдуарда Успенского и др.). Покажем это на примере стихов Б. Заходера:

Верблюд решил, что он жираф,
И ходит, голову задрав.
У всех
Он вызывает смех,
А он, Верблюд, плюет на всех!

(«Верблюд»)

А в стихотворении «Тюленья прилежанье» поэт высказывает удивление по поводу образа жизни тюленя («Целый день лежит тюлень, и ему лежать не лень»):

Жаль, тюленья прилежанье —
Не пример для подражания.

Игры-спектакли — это драматизация, предполагающая дословное воспроизведение текста произведения: чтение по лицам, разыгрывание отдельных сценок, пьес с мамой, игрушками, детьми.

Мини-спектакли — первые забавы грудного ребенка («Ладушки», «Гуленьки», «Сорока-белобока»...). Такие игры начинает и ведет взрослый, а младенец вторит, выражая свои чувства голосом, мимикой, всем телом. Если слышит «ладушки», хлопает в ладоши, а если в песенке танцует зайчика, подпрыгивает на маминых руках.

До трех лет дети играют в сказки «Репка», «Теремок», «Колобок».

Сначала опять играет мама, а малыш смотрит и слушает, а потом играет он сам:
вот как
тянули
репку,
вот как
все при-

бежали в
теремок,
вот как
колобок убежал от
зайца, волка и мед-
ведя... При этом он
старается произ-
носить слова и
фразы.

Лет с четырех-пяти, когда ребенок овладевает активной речью, его побуждают передавать текст произведения. Для этого

практикуют чтение по лицам. Так, в сказке «Кот и Петух» роли читайте попеременно: сначала ребенок — за Котика, а вы — за Лису и Петушка, а потом наоборот. Это внесет разнообразие, а главное, вы сможете ненавязчиво показывать, как играть, а ребенок запомнит весь текст сказки.

Разыгрывая сказку, научите ребенка выразительно читать вставные песенки, воспроизводить льстивую интонацию Лисы: «Петушок, Петушок, золотой гребешок, маслена головушка». Совсем по-другому, тревожно и призывно, кричит Петух: «Котик, мой братец, несет меня Лиса в дремучие леса». Эту сказку прекрасно пересказал для детей К. Д. Ушинский, но для драматизации лучше взять пересказ А. Н. Толстого «Петушок — золотой гребешок», у которого счастливый конец. В избушке вместе с котом и петухом жил дрозд. И, когда лиса утащила петушка, кот и дрозд догнали ее и отняли петушка.

После игры с вами малыш сам может повторить спектакль с игрушками, а еще интереснее разыграть его со сверстниками и показать гостям. Многие стихи и сказки пригодны для чтения по лицам и драматизации.

Ролевые игры — это главные игры дошкольников, потому что с трех до семи лет их основной деятельностью становится ролевая игра, с помощью которой они познают жизнь.

Помочь малышу войти в роль — значит помочь взойти на новую ступень развития, т. е. начать думать, чувствовать, действовать, как требует роль шофера, доктора или мамы в игре «дочки-матери» или роль героев сказок.

Когда полутора-двухгодовалый ребенок играет в кубики, он просто манипулирует предметами, что доставляет ему большое удовольствие. Но если он так же играет в пять лет, то это уже дефект развития и воспитания. В этом возрасте ему следует воображать себя строителем и возводить города, мосты, теле-

башни. Игра тем содержательнее, чем больше у ребенка знаний и представлений. Вот тут-то роль книги незаменима.

Если у ребенка нет впечатлений о взрослой жизни, ролевая игра не возникает, а это нарушение норм психики. Еще раз вспомним слова Б. Житкова: «Нормальный ребенок всегда рвется в страну взрослых, где надеется «Ух, что наделать!».

Ролевая игра в отличие от игры-спектакля не предполагает воспроизведения текста произведения. Здесь книга дает лишь толчок для свободного полета воображения и фантазии, для импровизации.

Дети, входя в роль, играют азартно, самозабвенно и своим «понарошку» могут выразить всё. Недаром великий Станиславский советовал актерам играть, как дети.

Все, кто наблюдает детские игры, знают, что они как бы сотканы из мгновений. Вот ребенок и берет из книги отдельные мотивы, приспособляя их для своей игры. Только для этого в его голове должна быть полная картина — события, обстоятельства и герои книги. Поясню это положение примером.

Как-то зимой Настя каталась на санках с горки, ребят не было, и она скоро соскучилась. Тогда я предложила поиграть в сказку Топелиуса «Сампо-лопаренок»: санки — маленький олень, ты — мальчик Сампо, я — горный король. Настя пришла в восторг. Я делала вид, что хочу поймать ее, и восклицала: «Пусть погаснет солнце! Пусть будет вечная тьма и вечный холод!». Катание с горки превратилось в погоню, где она — неуловимая. Я думала, что этим игра и ограничится. Но не тут-то было. Настя, полная победного воодушевления, вспомнила концовку сказки: побежала, нашла палку и, подняв ее, как факел, над головой, двинулась на меня со словами: «Ты лжешь, горный король! Солнце взойдет! Солнце взойдет!»

Я поняла, что она уже изображает не мальчика Сампо, а школьного учителя с лампой в руке, к которому, спасаясь от погони, примчался лопаренок Сампо. Мне лишь оставалось изобразить испуг и гибель.

На площадке два паренька, лет по девяти, бросили играть в хоккей и уселись смотреть на нас.

Ну, как тут опять не вспомнить Б. Житкова, который восхищался умением детей

смотреть в корень, отмечая все, что к делу не относится. Казалось бы, что общего между санками и оленем? Только то, что двигаются, но для этой игры это главное. Остальное воссоздаст воображение. Когда Настины санки перевернулись и она упала, я сказала: «Маленький олень голодный, не может бежать». Девочка тотчас вскочила и принялась «понарошку» кормить его.

Детей привлекают герои, у которых есть характер и судьба. Вот почему подросшие ребята импровизируют свои игры по повестям-сказкам: «Золотой ключик» А. Толстого, «Приключения Незнайки» Н. Носова, «Карлссон, который живет на крыше» Астрид Линдгрен и др.

Однако в ролевой игре по книгам далеко не всегда разыгрываются конкретные произведения, напротив, чаще в играх проявляется общая начитанность ребенка, и он играет то солдата, то казака-разбойника, то пирата, сам придумывая сюжеты, навеянные книгами. К. И. Чуковский вспоминал, что его ребята любили изображать русских богатырей, изъясняясь былинным складом...

В играх младших детей большую роль играют стихи и песни, потому что воодушевляют, сообщая поэтическое настроение.

Однажды Настя и ее приятели Игорь и Митя пришли на территорию соседнего детского садика, чтобы поиграть в избушке. Увы, кто-то за ночь разобрал ее по бревнышкам и утащил. Дети очень горевали, и, чтобы утешить их, я показала на стенку, лежащую на земле (все, что осталось от избушки!): «Какой прекрасный корабль!» и спела песню об отважном капитане:

Жил отважный капитан,
Он объездил много стран,
И не раз он бороздил океан,
Раз пятнадцать он тонул,
Погибал среди акул,
Но ни разу даже глазом не моргнул.
И в беде, и в бою
Напевал он всюду песенку свою:
Капитан, капитан, улыbnитесь,
Ведь улыбка — это флаг корабля,
Капитан, капитан, подтянитесь,
Только смелым покоряются моря!

(«Песенка о капитане»,
слова В. Лебедева-Кумача,
музыка И. Дунаевского)

Ребята сразу полюбили капитана, его песню и с энтузиазмом принялись обустроить свой корабль. Игорь притащил большой камень — якорь, поставил наклонно бревнышко — пушка, потом через дыру в заборе проник к гаражам и приволок (в хозяйстве пригодится!) старую шину от небольшого колеса и фанеру. Я помогла ребятам осмыслить эти «ценные приобретения», рассказав им, что такое спасательный круг и трап, после чего отошла, чтобы не мешать.

На корабле царило радостное воодушевление, только наш меланхолик Митя и здесь нашел повод, чтобы расстраиваться. Когда подняли трап, он пожаловался: «Мне не дают ходить по трапу...». Впрочем, вскоре и он вместе с другими «матросами» лазил на «мачту» (детская лесенка, стоящая рядом с избушкой) и смотрел «вдаль»: не плывут ли акулы, те самые, которые едва не сожрали отважного капитана. Игорь на всякий случай навел свою пушку. Потом пассажирка Настя, она же матрос и кок, бросила в «море» трех своих Барби, а Игорь — спасательный круг. На этом игра стала «сходить на нет» — не знали, что делать дальше. К счастью, появился третьеклассник Сева, веселый, начитанный мальчик. Увидев «корабль», он закричал: «Я пират! Я атакую! Защищайтесь!» — «Бандит!» — сообразили малыши и стали дружно не пускать и выталкивать его с «корабля». Наконец, Сева крикнул: «Я отступаю!» и побежал, малышня за ним, долго гонялись, но втроем одолели. «Сдаюсь,— мрачно сказал пират,— ведите в темницу» (под дерево). Настю поставили охранником. Сева очень натурально изображал «муки жажды и голода»: «Воды! Хлеба!», а Настя, забыв о своих основных обязанностях, «понарошку» кормила и поила его... Интересно, что Игорь при всей своей энергии и смекалке играет не капитана, а матроса: то ли характер такой, то ли у него нет представлений о капитанской работе. А может, и то и другое.

С тех пор песню об отважном капитане дети поют очень часто. Не могу умолчать, как по-разному они восприняли второй куплет, где «капитан был в одной из дальних стран и влюбился, как простой мальчуган». Мальчики его просто игнорировали (испортить такую песню!). Не то Настя.

При друзьях ей хватило такта помолчать, зато дома она не раз со смехом просила: «Бабушка, спой, как капитан „раз пятнадцать краснел, заикался и бледнел, но ни разу улыбнуться не посмел». Девочка прекрасно поняла и юмор, и причину такого странного превращения, которое ей очень нравилось...

В игре про корабль и пирата хорошо видно, как **полезны совместные игры детей разного возраста и развития**. А вот для обучения лучше, на мой взгляд, объединять детей одинакового развития. Впрочем, с этим не все согласны.

Подробнее расскажу, как книги обогащают самые популярные среди детей игры: «Дочки-матери» и «Все работы хороши» (о профессиях).

Если полтора-двухгодовалая крошка баюкает куклу, то это не значит, что она играет в маму: просто малышка копирует движения взрослых. Зато с трех-четырёх лет девочка может войти в роль мамы, а может и не войти. Нередко встречаются девочки, которые не любят кукол и не играют с подружками в «дочки-матери». А это дефект развития и воспитания.

В. А. Сухомлинский говорил, что всегда внимательно следил за тем, какие отношения складываются между детьми и их куклами. Но о каких отношениях может идти речь, когда видишь на улице, в мороз, девочку с куклой, и кукла — в летнем платье? А разве трудно, собирая дочь на прогулку, сказать ей: «Сегодня холодно, заверни Катю в платок».

Материнские чувства заложены в каждой женщине, но в разной степени. Есть, как известно, «горячие» мамы и «холодные», видящие в детях не радость и смысл жизни, а тяжелую обузу. Есть нежные «маленькие мамы», а есть взрослые женщины, у которых эти чувства просыпаются так поздно, что уже пропущены все отпущенные природой сроки...

Однажды на детской площадке мы с Настей увидели крохотную девочку (3,5 года),

которая осторожно (чтобы не упала!) качала на качелях свою «дочку». Дедушка девочки, отставной моряк, сказал, что внучка целыми днями нянчит кукол и не ляжет спать, пока не перецелует и не уложит всех своих «деток». Вот он, врожденный материнский талант, но, как всякий талант, встречается не часто, а растить девочек для счастья надобно всех.

Не случайно в прошлом веке писатели, художники и композиторы поэтизировали девочку, играющую в куклы. Вспомним рассказы Л. Толстого или пьесы П. Чайковского из «Детского альбома» («Новая кукла», «Болезнь куклы», «Похороны куклы»).

Обращаясь к книгам, вспомним «Азбуку» А. Бенуа, где прославленный художник сделал такую акварель: в рамке из цветов сидит девочка, кормящая дочку-куклу, а на веревке сушатся куклины штанишки, рубашки, простынки...

А вот стихотворение Саши Черного «Про девочку, которая нашла своего мишку» и разговаривает с ним как мама:

...Самый мой любимый бантик
Повяжу тебе на грудь:
Будешь милый, будешь франтик,—
Только ты послушным будь...

Такие стихи часто презрительно называют сентиментальными. Ну и напрасно! В детстве и должен быть переизбыток чувств, а жизнь внесет свои разумные поправки.

Войти в роль мамы маленькой девочке поможет поэзия. Так, крошке захочется подражать Тане из стихотворения В. Орлова «У меня полно хлопот», которая целый день нянчит свою дочку: «Нужно Машеньку умыть и компотом накормить. Рассказать ей нужно сказки, покатать ее в коляске, искупать, переодеть...».

«Аленушка» Е. Благиной — маленькая поэма о грудном ребенке. Написанная в духе народных баек и потешек, она состоит из отдельных стишков о том, как Але-

Воспитание будущей женщины страдает у нас большими недостатками, а в детской литературе десятилетиями воспевалась девочка с мальчишеским характером. Поэтому вспомним народную педагогику и православие, которые всегда считали, что с раннего детства надо развивать в девочках материнские чувства, глубоко заложенные в женской природе, и готовить их к высокому назначению в будущем — быть матерью, хранительницей семейного очага.

нушку кормят, купают, пеленают, как она играет и учится ходить. Ваша дочка легко запомнит эти ласковые стихи и повторит, играя со своей куклой:

Теплую водичку
Пьем на нашу птичку!
Ой, с гуся вода.
А с Аленушки худоба!

Так же приятна ей будет роль гостеприимной хозяйки:

...Сосчитала я сначала
Дорогих своих гостей,
Чашки чайные достала
И тарелки
Для гостей.
А еще
Для куклы Кати
Приготовила сюрприз –
Я поставила на скатерть
Новый кукольный сервиз.

(«Хозяйка», П. Синявский)

Дети в своих играх могут повторить и сюжеты рассказов Л. Толстого. Вот один из них: «Таня знала буквы. Она взяла книгу и куклу и дала книгу кукле. Будто школа. „Учи, кукла, буквы! Это — А. Это — Б-бе. Смотри, помни!». Так великий писатель подсказывает вашей дочке увлекательную и полезную игру на долгое время: «читать» кукле сказки, показывать ей картинки. **Чтобы поддержать игру, спрашивайте дочку: «Что ты сегодня читала Кате? Что ей понравилось?»**

Я знаю семью, где налажена непрерывная игра с куклами: девочка каждый день укладывает их спать, кормит, одевает, водит на прогулку и к доктору, празднует их дни рождения, устраивает для них елку и т. д. А родители, вникая в дела «семьи», интересуются: «Поправился твой сынок? Как ты его лечила? Мне кажется, что твои дети давно не были в зоопарке, в театре...».

Сравнивая книги о Барби с нашей литературой о девочке, играющей в куклы, замечаешь существенное различие: Барби только развлекается со своими «детьми», а у нас — поэтизируются материнский труд, материнская забота, что соответствует самым глубинным потребностям женской природы и воспитывает доброту, мягкость, чуткость, нежность, т. е. женственность.

Вот они, духовные связи между родителями и детьми, когда отец и мать могут ненавязчиво прививать детям свою мораль и взгляды на жизнь.

Войти в роль мамы и хозяйки девочке помогут и стихи, воспевающие мать, такие как:

Песенку о маме
Мы споем сейчас.
Мама дорогая
Крепко любит нас.

Кто читает сказку,
Кто пирог печет?
Курточку и платье
Кто для нас сошьет?
Мама дорогая
Трудится для нас,
Мы спасибо маме
Скажем много раз!

(«Песенка о маме», Н. Найденова)

В наши дни игру в «Дочки-матери» вытесняет заокеанская красавица Барби, невеста, молодая дама. Впервые эта кукла появилась в Нью-Йорке лет 40 назад и с тех пор покорила девочек во многих странах мира.

Почему кукла-дама вытесняет куклу-дочку? Главная причина — мода, которая сильно воздействует на психику девочек.

Барби — это не только кукла, это целый игрушечный мир: дома, мебель, посуда, машина и, конечно, гардероб — все, что нужно Барби для богатой, «красивой» жизни. Но и это еще не все: о Барби печатают рассказы в детских газетах и журналах, ей посвящаются богато иллюстрированные издания — книжки-раскраски, книжки-наклейки, предлагающие поиграть с Барби. В этих книгах показана веселая и счастливая жизнь Барби с мужем Кеном и детьми, их развлечения, путешествия, праздники, а главное — быт, где все самое модное и современное.

Сравнивая книги о Барби с нашей литературой о девочке, играющей в куклы, замечаешь существенное различие: Барби только развлекается со своими «детьми», а у нас — поэтизируются материнский труд, материнская забота, что соответствует самым глубинным потребностям женской природы и воспитывает доброту, мягкость, чуткость, нежность, т. е. женственность.

Однако было бы ошибкой вообще зачеркивать воспитательное значение куклы Барби и литературы о ней. Когда трехлетней Насте подарили Барби, она сказала: «Тетя!» и ушла к своему зайцу и мишке. Но в пять лет девочка красиво причесывает Барби, завязывает бант, надевает ей серьги и туфельки на высоких каблуках, меняет нарядные платья и — любит. Ее любимая книга «Барби мода» (СПб.: Текс, 1995). Девочке здесь интересно все: красивые комнаты, интерьеры («Комната моей мечты») и такие главки: «Мир... высокой моды», «Какую прическу мне сделать?». Хороший вкус воспитывают и главы «Угадай, в какой я стране?» (как одеваются женщи-

ны планеты) и «Золотые мгновения» (о роскошных туалетах дам прошлых веков, о ювелирных изделиях, сумочках, туфельках и т. д.).

Таким образом, кукла Барби восполнила серьезный пробел в нашем воспитании девочек. Теперь с раннего детства они учатся быть привлекательными: красиво и модно одеваться, причесываться, пользоваться украшениями, что дает девочке спокойную уверенность в себе. Теперь уже с раннего детства девочки получают представление о том, как красиво и удобно обустроить быт своей будущей семьи. Все это, разумеется, прекрасно, если бы при этом они продолжали играть в «дочки-матери», чего, увы, часто не бывает... Родителям надобно побуждать свою дочку к играм в «дочки-матери», а Барби пусть будет, но занимает второстепенную роль.

Игры о профессиях не только любимы, но и очень полезны для развития детей, потому что ребенок, входя в роль, проникается желанием

стать работником. Так возникает жизненная ориентированность на труд, глубоко заложенная в наших национальных традициях. Вспомним стихи «Мужичок с ноготок» из поэмы Н. А. Некрасова «Крестьянские дети». Сколько достоинства в маленьком работнике («всего мужиков-то: отец мой да я»). «Всё, всё настоящее, русское было!» — восклицает поэт.

Стихи, рассказы, очерки о профессиях дают толчок игре, открывая простор выдумке, фантазии, импровизации.

В детских библиотеках можно найти давно не переиздававшуюся книгу Л. Кукулина «Когда мы станем взрослыми» (Л., 1979) — цикл хороших стихов о профессиях: «Шахтер», «Сталевар», «Ткачиха», «Лесник», «Пилот», «Электросварщик», «Рыбак», «Чабан», «Малляр», «Врач», «Портной», «Оленевод», «Шофер», «Водолаз», «Часовщик». Заканчивается цикл стихотворением «Космонавты» с обращением к ребенку:

Было бы ошибкой вообще зачеркивать воспитательное значение куклы Барби и литературы о ней. Когда трехлетней Насте подарили Барби, она сказала: «Тетя!» и ушла к своему зайцу и мишке. Но в пять лет девочка красиво причесывает Барби, завязывает бант, надевает ей серьги и туфельки на высоких каблуках, меняет нарядные платья и — любит.

Расти скорей,
Мечтай смелей
И начинай работу...

Лет с пяти знакомьте детей с увлекательной энциклопедией о профессиях «Все работы хороши» Г. Юрмина (любое издание). Эта тема хорошо представлена и в энциклопедии «Почемучка».

Пусть ребенок сам по иллюстрациям выбирает, про кого читать и в кого играть: в агронома или доярку, архитектора или повара, учителя или почтальона, врача или рабочего (бульдозериста, нефтяника, сварщика, слесаря, шахтера) и т. д.

Назовем основные классические книги для игр о профессиях.

В маленькой поэме В. Маяковского «Кем быть?» одни профессии известны детям из жизни (доктор, шофер, летчик), другими поэт заинтересовывает через знакомые им предметы: кто и как сделал мебель, построил дом, паровоз (столяр, инженер, рабочие на заводе).

Стихи легко превратить в игру именно потому, что они показывают, как люди работают. Все ребяташки любят строить дома сначала из кубиков, песка, а потом из конструктора, но, оказывается, сначала лучше нарисовать план («Это будет перёд, называется фасад. Это — каждый разберет — это ванна, это сад»). А вот как играть в летчика: «Наливаю в бак бензин, завожу пропеллер», «бояться не надо ни дождя, ни града. Облетаю тучку, тучку-летучку. Белой чайкой паря, полетел за моря» и т. д.

Увлекательную игру, полную открытий, подсказывает и стихотворение «Почта» С. Маршака, который, как и Маяковский, ведет ребенка от знакомого (почтовый ящик, почтальон, почта) к неизвестному, дальним странам и путешествиям. Ребенок с игрушками изобразит и

почтовый вагон, и Лондон, и Бразилию, а еще придумает, как письмо летело на самолете и плыло на корабле. Если ваш ребенок знаком с рассказами Б. Житкова, ему будет интересно узнать, что письмо было адресовано именно ему.

Стихотворение «Дядя Степа» С. Михалкова поможет вашему сынишке поиграть в милиционера — сильного и доброго стража порядка, защитника хороших людей и грозу хулиганов.

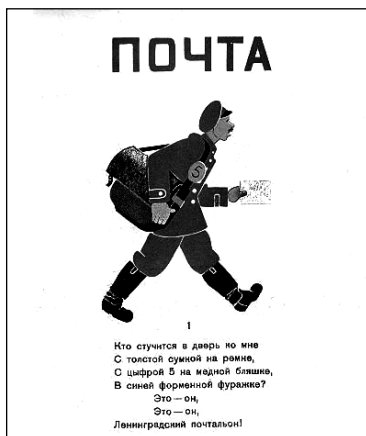
Для игр годятся не только стихи, но и рассказы. До сих пор непревзойденными остаются произведения Бориса Житкова: входя в роль, ребенок совершает благородные и мужественные поступки, играя в моряков, почтальонов, рыбаков, водолазов, командиров («Обвал», «Почта» и др.).

Мальчики испокон веков играли в войну и солдат. С помощью «Книги будущих командиров» А. Митяева (любое издание) ваш сын по картам-схемам сможет, подобно Суворову в детстве, разыграть с игрушечными солдатиками сражения Юлия Цезаря и других великих полководцев Всемирной истории. Прекрасный повод для совместных игр отца с сыном.

Литературные игры — викторины и загадки. Разгадывать загадки и литературные викторины интересно с мамой и папой, но особенно интересно, если участвуют другие ребята: радостно блеснуть своими знаниями, а если чего не знаешь — послушать, что говорят другие. Дети проявляют большую активность, поэтому давайте высказываться всем и неоднократно. Викторина — это праздник знаний!

Иногда к составлению викторины родители привлекают и детей: «У тебя будут гости, давай придумаем для них вопросы по стихам Б. Заходера. Они такие веселые». **Покажу некоторые варианты викторин:**

ПОЧТА

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на мадлой бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это — он,
Это — он,
Ленинградский почтальон!

1. «ЕСЛИ МОЖЕШЬ, ПРОДОЛЖАЙ».

Читаем начало стихотворения, предлагая детям продолжить: «Белка песенки поет да орешки всё грызет...», «Ветер, ветер, ты могуч...», «Белеет парус одинокий...», «Ехали медведи на велосипеде...» и др. Постепенно усложняйте задание: Кто написал эти стихи? Из каких они книг? Кто нарисовал картинки?

2. «ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ ПИСАТЕЛЕЙ?»

Узнай писателя на портрете, назови его фамилию, имя и отчество. Далее предлагаются вопросы по его произведениям. Вот, к примеру, викторина о С. Маршаке: Про кого сказано: «Рвать цветы легко и просто детям маленького роста, но тому, кто так высок, нелегко сорвать цветок»? (о жирафе в стихах «Детки в клетке»); Подскажите рифму: «Эй, не стойте слишком близко — я тигренок, а не...» (киска). (Викторину о С. Я. Маршаке составила Н. Н. Житомирова — видный педагог, автор первого учебника по руководству детским чтением.)

Викторина может быть посвящена не одному, а ряду писателей, когда мы обращаем внимание детей на отдельные факты из их жизни: Кто из писателей учил детей в школе? (Л. Толстой, К. Ушинский, В. Сухомлинский); кто из писателей был офицером? (М. Лермонтов, Л. Толстой); кому из писателей было адресовано письмо в стихотворении С. Маршака «Почта»? (Б. Житкову), кто из писателей сражался с фашистами (В. Астафьев, А. Гайдар, В. Катаев).

3. «ИЗ КАКИХ ОНИ КНИЖЕК?»

Узнай героя и скажи, откуда он? Например, любит мед, сочиняет стихи, кричалки, пытелки, ворчалки (Винни-Пух из одноименной сказки-повести А. Милна).

4. «В МИРЕ СКАЗОК»

Назовите волшебные вещи из сказок (скатерть-самобранка, ковер-самолет, гусли-самогуды); кому принадлежат: корзиночка, бутылочка молока, пирожок, шапочка? (Красной Шапочке). А колпачок с кисточкой, курточка из бумаги и азбука? (Буратино); Кто съел целую банку варенья? (Карлссон) и т. д.

«Отгадай словечко» — универсальная игра, очень любимая детьми. Можно играть вдвоем (с папой, мамой по дороге в школу) или с друзьями (дома, на прогулке). По очереди один загадывает, другой по вопросам старается отгадать задуманное слово: живое, неживое, книжное? На какую букву начинается? Если живое, спрашивают: как двигается (прыгает, ходит, ползает, плавает), что ест, какого цвета и т. д. Например, живое на букву «к», прыгает и бежит. Кто не может отгадать, просит подсказку. (На животе — сумка.) Ясно: кенгуру. Если слово означает неживое, следует вопрос: для чего нужен людям? Если слово означает героя из книжки, спрашивают: из рассказа или сказки, на какую букву начинается, какой писатель о нем рассказал и т. д.

Существует прекрасная литературная викторина Н. Найденовой, напечатанная в сборнике «Чудесная тетрадь» (М.: Дет. лит., 1969).

ПРО КАКИЕ ЭТО КНИЖКИ?

ДЕВОЧКА-МАЛЫШКА

Появилась девочка
В чашечке цветка,
А была та девочка
Чуть больше ноготка.

В ореховой скорлупке
Девочка спала,
Вот какая девочка,
Как она мала!
Кто читал такую книжку,
Знает девочку-малышку.

(Х. К. Андерсен «Дюймовочка»)

О КОМ ЭТА СКАЗКА?

Сейчас потолкуем
О книжке другой:
Тут синее море,
Тут берег морской...
Старик вышел к морю,
Он невод забросит,
Кого-то поймает
И что-то попросит.

О жадной старухе
Рассказ тут пойдет,

А жадность, ребята,
К добру не ведет.
И кончится дело
Все тем же корытом,
Но только не новым,
А старым, разбитым.

(А. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке»)

КТО ПОЙМАЛ СТРЕЛУ?

Летела стрела и попала в болото,
А в этом болоте поймал ее кто-то...
Кто, распростившись с зеленой кожей,
Сделался мигом красивой, пригожей?

(Сказка «Царевна-лягушка»)

КТО УНЕС БРАТИШКУ?

Помогла нам яблонька,
Помогла нам печка,
Помогла хорошая
Голубая речка.
Все нам помогали,
Все нас укрывали,
К бабушке и матушке
Мы домой попали!
Кто унес братишку?
Назовите книжку.

(Сказка «Гуси-лебеди»)

КТО Я?

Я бегу, бегу, бегу,
Опоздать я не могу!
Я на волке поскачу,
На орле я полечу!
Не боюсь волны морской,
Не боюсь горы крутой.
Я лечу, плыву, скачу,—
Всем больным помочь хочу!

(К. Чуковский «Доктор Айболит»)

В сборник Е. Серовой «Мозаика» (Л.: Дет. лит., 1981) входят самые разнообразные загадки о природе и о вещах.

Жмутся в узеньком домишке
Разноцветные детишки.
Только выпустишь на волю,
Побегут по белу полю, —
Где была пустота,
Там, глядишь,— красота!

(Цветные карандаши)

Странный доктор есть на свете,
Он деревья лечит, дети:
Где болит? Стук-стук.
А, нашел! Тут, тут!

(Дятел)

Бродит между елок
Тысяча иголок...

(Ежик)

Вот это случай очень редкий —
На голове растут две ветки!

(Оленьи рога)

Симпатичный белый домик,
Кто живет в нем — вот вопрос?
Может быть, малютка гномик?
Нет, живет в нем Дед Мороз!

(Холодильник)

Скажи ты мне, какой чудак
И днем и ночью носит фрак?

(Пингвин)

Образны, поэтичны загадки поэта Г. Ладанщикова, напечатанные в его сборнике «Солнце землю радует» (М., 1979).

ЕСЛИ ЗНАЕШЬ ЗВЕРЕЙ, НАЗОВИ ИХ СКОРЕЙ

Эта рыжая плутовка
И коварна, и хитра.
Быстрых зайцев ловит ловко,
Кур ворует со двора.
И мышами поживиться
Любит шустрая... (Лисица)

Смел и зол разбойник серый.
Чуть козу вчера не съел он.
К счастью, Тузик и Трезорка
За отарой смотрят зорко.
Еле ноги уволок
От собак матерый... (Волк)

Когда ваш ребенок станет взрослым, что он вспомнит из своего детства? Поверьте: он забудет и лакомства, и обновы, но не забудет, как отец и мать играли с ним. И это воспоминание согреет его сердце.

Продолжение следует

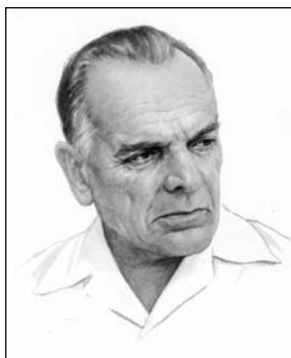
Галина ТУБЕЛЬСКАЯ

И снова в гости к именинникам

В предыдущих номерах журнала мы рассказали вам, дорогие друзья, как увеличить число праздников в вашей семье, отмечая дни рождения любимых детских писателей. Вы уже побывали в гостях у Корнея Чуковского, Льюиса Кэрролла, Алана Милна, Джона Толкина и других (см. «Семейное чтение» №6, 2006).

В мае 2007 года есть возможность отпраздновать дни рождения не менее знаменитых писателей. Это австралийский писатель Алан Маршалл и российский писатель Константин Георгиевич Паустовский. 2 мая исполнилось бы 105 лет Алану Маршаллу, а 31 мая — 115 лет Константину Георгиевичу Паустовскому.

Хоть и жили они на разных континентах, но были почти ровесниками. И в их взглядах было много общего. Оба они пристально вглядывались в детство, понимая, что характер человека формируется именно в это время. Произведения, которые они создавали, и сегодня очень нужны детям и взрослым, потому что, как сказал один поэт, «нам без вас всё равно как вам без нас». Оба самозабвенно любили природу и были ее верными защитниками. Оба уважительно относились к людям труда и именно у них находили темы для своих произведений.

КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ПАУСТОВСКИЙ (1892—1968)

За свою жизнь Паустовский написал немало. Он работал в разных жанрах, прославился как новеллист. И

нет среди читающих людей ни одного, кто бы не знал его рассказов «Шиповник», «Ильинский омут», «Корзина с еловыми шишками», «Телеграмма».

Он написал исторические и историко-биографические повести «Судьба Шарля Лонсевилья», «Орест Кипренский», «Исаак Левитан», «Тарас Шевченко».

Он создал новый литературный жанр — повесть-очерк, написав свои знаменитые «Кара-бугаз», «Колхида», «Черное море».

Паустовский прославил негромкую природу средней России в повести «Мещерская сторона» и цикле рассказов для детей «Летние дни».

В краткой автобиографии Константин Георгиевич писал: «С детских лет мне хотелось увидеть и испытать всё, что только может испытать человек. Этого, конечно, не случилось. Наоборот, мне кажется, что жизнь была небогата событиями и прошла слишком быстро. Но так кажется только до тех пор, пока не начнешь вспоминать. Одно воспоминание вытягивает за собой другое, потом — третье, четвертое. Возникает непрерывная цепь воспоминаний, и вот оказывается, что жизнь была разнообразнее, чем ты думал».

Счастье читателей в том, что Паустовский много вспоминал и написал автобиографическую книгу «Повесть о жизни». Она состоит из шести книг: «Далекие годы», «Беспокойная юность», «Начало неведомого века», «Время больших ожиданий», «Бросок на юг» и «Книга скитаний».

В предисловии к своей книге писатель объясняет свою главную задачу: «Я бы хотел, чтобы читатели этих повестей испытали бы то же чувство, которое владело мной на протяжении всех прожитых лет. Чувство значительности нашего человеческого существования и глубокое очарование жизни». Чтобы исполнить это, Паустовский выбирает из своей жизни самые поэтические и значительные моменты.

Все шесть книг связаны одним героем и общностью времени. Они относятся к последним годам XIX века и к первым десятилетиям века XX-го. Герой книг — сам писатель. Он выступает не под вымышленным, а под своим настоящим именем. События показаны глазами тогдашнего мальчика, потом юноши, но рассказаны человеком зрелым.

Для детей неоднократно издавалась первая повесть «Далекие годы». Она помо-

гает понять, почему писатель работал и в литературе для детей, и в литературе для взрослых. А также почему дети «отобрали» для себя у автора многие книги, для них не предназначавшиеся.

Он писал: **«Очень жаль, что прелесть детства мы начинаем понимать, когда делаемся взрослыми. В детстве всё было другим. Светлыми и чистыми глазами мы смотрели на мир, и всё казалось нам более ярким. Ярче было солнце, сильнее пахли поля, громче был гром, обильнее дожди и выше трава. И шире было человеческое сердце, острее горе и в тысячу раз была загадочнее родная земля, самое великолепное, что нам дано в жизни».**

В его книгах мы видим настоящую жизнь. Это жизнь, какой она бывает, какой может быть и более всего — какой должна быть.

В книгах Паустовского живет ничем не истребимая вера в торжество добра и света. Они полны редкостного доброжелательства к человеку, умения даже в самом ничтожном существе разглядеть то, что все-таки дает ему право сохранить за собой человеческое имя.

В книгах Паустовского постоянно живет предчувствие неожиданного чуда, его несомненной реальности. Паустовский — романтик. Хотя критики не всегда были от этого в восторге. Не раз они настойчиво советовали писателю оставить романтические увлечения («бредни», как изящно выразился один критик), бросить романтических героев и употребить все усилия на то, чтобы создать произведения чисто реалистические. Но, к счастью, пристрастия его не изменились. С годами росло его мастерство. Его герои — люди цельные, неравнодушные, любящие мечтать и умеющие за свою мечту бороться. И смысл

своей жизни они видят в борьбе против тупости и эгоизма, против всего, что принижает человека.

Паустовский вырос в интеллигентной семье. Отец его, человек передовых и независимых взглядов, старался привить сыну глубокое уважение к людям, какого бы происхождения они ни были.

Семья была большая, в ней скрещивались разные влияния — католичество, православие, скептицизм. Уже в детские годы жизнь ставила мальчика перед выбором. Надо было определить свое отношение к родным. В этом была хорошая сторона. На такой почве не могли привиться предрассудки и фанатизм, ограниченность и умышленная слепота.

Бабушка Викентия Ивановна — полька «У нее существовал твердый порядок. Каждую весну великим постом она ездила на богомолье по католическим святым местам в Варшаву, Вильно или Ченстохов. Но когда ей приходило в голову посетить православные святыни, она уезжала в Троице-Сергиевскую лавру или в Почаев. Все ее дочери и сыновья смеялись над этим и говорили, что если так пойдет дальше, то Викентия Ивановна начнет посещать знаменитых еврейских цадиков и закончит свои дни паломничеством в Мекку ко гробу Магомета».

Религиозность сочеталась в ней с передовыми идеями. Она увлекалась одновременно Герценом и Генрихом Сенкевичем. Портреты Пушкина и Мицкевича в ее комнате всегда висели рядом с иконой Ченстоховской Божьей матери. В революцию 1905 года она прятала у себя революционеров-студентов и евреев во время погромов.

В детстве Костя не знал материальной нужды. Дом, в котором он вырос, не ломился от роскоши, но и бедности в нем не было. Лишь изредка мальчику приходилось сталкиваться с народным горем. И это оставляло рубцы в сознании, мучило и будоражило.

Вскоре нужда вошла и в этот дом. Просторная квартира сменилась тесными клетушками в подвальном этаже, и для того, чтобы окончить гимназию, приходилось бегать по урокам к богатым бездельникам.

Он был еще ребенком, когда «заболел «всепоглощающей страстью»: мысли о литературе вытеснили все другие чувства.

Литература притягивала сильнее магнита. Развитие сюжета повести «Далекие годы» связано с развитием в мальчике художественных интересов. Прежде всего, этому способствовали склад ума и характер героя. Вот отрывочные воспоминания о раннем детстве: летом семья приезжала к родственникам в деревню, и сквозь дремоту ночью мальчик слышал шум воды около мельницы, лай собак, фыркание лошадей, скрип плетней. Утром он просыпался от жаркого солнца, бившего в белые стены. Красные и желтые мальвы-монашки покачивались за открытым окном. Вместе с ними заглядывал в комнату цветок настурции, в нем сидела мохнатая пчела.

Писатель говорит обыкновенными словами, а создается впечатление, что он пишет маслом.

А вот и запах и вкус: мальчик с отцом отправлялись на рыбалку. «Отец бесшумно закидывал удочки и закуривал. Табачный дым плыл над водой и запутывался среди прибрежных веток. Я набирал в ведро воды из пруда, бросал в эту воду траву и ждал... Я опускал карася в ведро. Он ворочался там среди травы, неожиданно бил хвостом и обдавал меня брызгами. Я слизывал эти брызги со своих губ, и мне очень хотелось напиться из ведра, но отец не позволял этого.

Мне казалось, что вода в ведре с карасем должна быть такой же душистой и вкусной, как вода гроздовых дождей. Мы, мальчишки, жадно пили ее и верили, что от этого человек будет жить до ста двадцати лет».

Вот более поздние воспоминания: бабушка хорошо выращивала цветы. Летом сад казался сплошным букетом. «Цветы чудились мне тогда живыми существами. Резеда была бедной девушкой в сером заштопанном платье, только удивительный запах выдавал ее сказочное происхождение. Желтые чайные розы казались молодыми красавицами, потерявшими румянец от злоупотребления чаем.

Клумба с анютиными глазками походила на маскарад. Это были не цветы, а веселые и лукавые цыганки в черных бархатных масках, пестрые танцовщицы — то синие, то лиловые, то желтые.

Маргаритки я не любил. Они напоминали розовыми скучными платьицами дево-

чек бабушкиного соседа, учителя Циммера. Девочки были безбровые и белобрысые. При каждой встрече они делали книксен, придерживая кисейные юбочки...

Бабушкин сад и все эти цветы с необыкновенной силой действовали на мое воображение. Должно быть, в этом саду и родилось мое пристрастие к путешествиям. В детстве я представлял себе далекую страну, куда непременно поеду, как холмистую равнину, заросшую до самого горизонта травой и цветами. В них тонули деревни и города. Когда скорые поезда пересекали эту равнину, на стенках вагонов толстым слоем налипала пыльца.

Я рассказал об этом братьям, сестре и маме, но никто не хотел меня понять. В ответ я впервые услышал от старшего брата презрительную кличку «фантазёр».

И в другом месте, по другому поводу: «На рождество отец подарил мне коньки «галифакс». Теперешние мальчишки долго смеялись бы, увидев эти коньки. Но тогда не было на свете лучших коньков, чем коньки из города Галифакса. Где этот город? Я расспрашивал всех. Где этот старый Галифакс, заваленный снегом? Там все мальчишки бегают на таких коньках. Где эта зимняя страна, населенная отставными моряками и шустрými школьниками? Никто не мог мне ответить. Старший брат Боря сказал, что это вовсе не город, а фамилия изобретателя коньков. Отец сказал, что, кажется, Галифакс — это правда городок на острове Ньюфаунд, у северных берегов Америки, и знаменит он не только коньками, но и собаками-водолазами.

Коньки лежали у меня на столе. Я смотрел на них и думал о городе Галифаксе. Получив коньки, я тотчас выдумал этот город и уже видел его так ясно, что мог бы подробно нарисовать план его улиц и площадей.

Я мог долго сидеть за столом над заданием и думать о Галифаксе. Это мое свойство пугало маму. Она боялась моих «фантазий» и говорила, что таких мальчиков, как я, ждет нищета и смерть под забором».

Паустовский считал, что чрезмерной впечатлительностью и романтизмом он был обязан деду Максиму Григорьевичу. Его сказки «превратили мою молодость в ряд столкновений с действительностью. Я страдал от этого, но всё же знал, что дед

прав, и что жизнь, сотканная из трезвости и благоразумия, может быть, хороша, но тягостна для меня и бесплодна».

Театр усугублял романтичность подростка. Писатель признается, что часто не мог отделить театральное зрелище от действительности и по-настоящему мучился и даже болел после каждого спектакля.

Учась в гимназии, он уже знал, что, как бы ни повернулась его судьба, он станет писателем. Всё, что происходило вокруг, имело смысл лишь в той мере, в какой могло пригодиться литературному призванию. Он дремал в гимназии, но едва начинался урок по любимой русской словесности, как он весь преображался, стараясь не пропустить ни слова.

В киевской гимназии, где учился будущий писатель, было немало достойных людей. Учитель географии Черпунов приходил на урок с бутылками, где на наклейках было написано старческим почерком: «Вода из Нила», «вода из Лимпопо», «вода из Средиземного моря». Потом оказалось, что это была обыкновенная водопроводная вода! Но такая безобидная хитрость старого учителя развивала воображение, вызывала интерес к учебе.

И тем не менее в гимназии царил официальный линия на подавление всякого свободолюбия, но свободолюбивый дух вырывался наружу.

Маленький Костя тоже пытался бунтовать против устоявшихся гимназических традиций, но часто этот бунт нещадно подавлялся: «Так надо! Никакие слова не входили до тех пор в мое сознание с такой силой, как эти два слова... Чем старше я становился, тем чаще я слышал от взрослых, что следует жить «как надо, а не так, как тебе хочется или нравится. Я долго не мог примириться с этим и спрашивал у взрослых: неужели человек не имеет права жить так, как он хочет, а должен жить только так, как хотят другие? Но в ответ мне говорили, чтобы я не рассуждал о том, чего не понимаю».

Глазами ребенка смотрел писатель на жизнь, поэтому так остро воспринимаем и мы все, что он нам рассказывает.

«Поэтическое восприятие жизни, всего окружающего нас — величайший дар, доставшийся нам от детства», — любил повторять писатель.

Сам он хорошо понимал детей, дружил с ними. Любовь к детям была для него так же естественна, как стремление человека жить, дышать. В его рассказах и повестях — множество детей, но он никогда не сюсюкает.

Взрослые герои его часто связаны с детьми. Характерно, что именно вокруг любимых героев Паустовского всегда вертятся мальчишки.

В повести «Черное море» он говорит о писателе Грине (он называет его Гартом): «Он хорошо чувствовал себя только с мальчишками. Их восприятие мира ничем не отличалось от гартовского».

В «Колхиде» десятилетний чистильщик сапог Христофор Христофорида, заядлый рыбак, человек жадный до всего нового, всю ночь слушает разговоры взрослых о том, как болотистую Колхиду превратить в прекрасный сад. А чтобы времени даром не терять, до блеска начищает обувь, стоящую в прихожей.

Герои Паустовского — люди цельные, без капли фальши, увлеченно делающие свое дело, а дети хорошо это чувствуют.

Казалось бы, что заманчивого в работе аптекаря? Где тут взяться энтузиазму и горению? А вот сельский аптекарь, герой рассказа «Во глубине России», сумел свои обязанности превратить в настоящее искусство.

Даже сборщик старых тряпок и костей работал, по утверждению писателя, с некоторым вдохновением и выдумкой. И его обожали сельские ребята, а он относился к самому маленькому с сочувствием и уважением.

Сам писатель, часто выступающий под собственным именем, тоже тесно связан с мальчишками. Ему интересно с сыном лесника Ленькой, он дружит с ним на равных, каждый год приезжает к нему, а зимой шлет книжки. Да и как не уважать Леньку, который в холодную осеннюю ночь с дождем, похожим на мокрую пыль, бродит по гиблым болотным местам и ищет «падучую звезду», которая вчера упала за лесом. Звезда нужна ему для школьной коллекции.

Не менее интересен рассказчику и подпасок Алеша Кудышкин. Он работает вместо отца, ушедшего на фронт. Любознателен он невероятно, знает очень много и говорит, что всему его научил «папаня».

Но больше всего волнуют Алешу бутылки. Он с жаром рассказывает о них случайному знакомому и ждет, что его письмо, спрятанное в бутылку и опущенное в ближайшую речку, получит отец на фронте.

Сам Паустовский так определяет характерную черту всех мальчишек: «По многолетнему опыту в этом деле я смело могу утверждать, что у этих беспокойных и шумливых наших соотечественников есть одно действительно необыкновенное свойство. Физик определил бы его словом «всепроницаемость». Мальчишки эти всепроницаемы, вернее «всепроницающи», или, говоря старинным тяжеловесным языком, «вездесущи».

В какую бы лесную, озерную или болотную глухомань я ни попадал, всюду я застаивал мальчишек, предававшихся самым разнообразным и порой удивительным занятиям.

Я, конечно, не говорю, что в сентябре месяце на ледяной и туманной утренней заре застаивал их, трясущихся от холода, в мокрых зарослях ольхи на берегу глухого озера в двадцати километрах от жилья. Они сидели, притаившись, в кустах, с самодельными удочками, и только характерный звук, который называется «шмыганье носом», выдавал их присутствие. Иногда они так затаивались, что я их вовсе не видел и вздрагивал, когда у себя за спиной вдруг слышал умоляющий хриплый шепот:

«Дяденька, дай червячка!»

Во все эти глухие места, где, как любил выражаться авторы романов о приключениях на суше и на море, «редко ступала нога человека», мальчишек приводило неистовое воображение и любопытство.

Мне кажется, что если бы я попал на Северный полюс или, скажем, на полюс магнитный, то и там обязательно бы сидел и шмыгал носом мальчишка с удочкой, караулил бы у проруби треску, а на магнитном полюсе выковыривал бы ножом кусочек магнита».

Ребенок не только будит во взрослом человеке совесть, не только заставляет взрослого «протереть глаза». Глядя на окружающую природу, он способен вложить в сердце взрослого вдохновение и прилив творческих сил. О встрече норвежского композитора Эдварда Грига с дочерью

лесника Дагни Педерсен рассказывает знаменитая новелла Паустовского «Корзина с еловыми шишками».

Для девочки эта встреча была знаменательной, но она была важна и для композитора. Пообещав сочинить музыкальную пьесу ко дню совершеннолетия Дагни, Григ выполнил свое обещание. И это событие — исполнение музыки на концерте, куда пришла Дагни с родственниками, и объявление о том, что музыка посвящается ей, дочери лесника, перевернуло всю жизнь девушки.

Писателем написано специально для детей несколько очаровательных сказок. Это «Растрепанный воробей», «Теплый хлеб», «Стальное колечко».

Почти все сказки написаны на основе реальных наблюдений над жизнью природы или связанных с ней народных поверий. Писатель говорит о тех чудесах, которые существуют вокруг нас. Волшебного, фантастического в сказках очень мало. Паустовский предпочитает писать о тех чудесах, которые человек творит собственными руками.

Жадная ворона утащила у Машины мамы-балерины хрустальный букетик. Этот букетик мама должна была прикрепить на платье в день своей премьеры, когда будет танцевать «Золушку». Отец-капитан просил об этом, уходя в плавание. Но ворона очень любила блестящие предметы и позарилась на букет.

Тогда самоотверженный воробей Пашка и его друзья вступают в неравный бой с вороной и возвращают подарок хозяйке. Ведь Маша когда-то тоже сделала доброе дело — отогрела и приютила воробья, когда он чуть не погиб от стужи.

Мальчик Филька обидел раненого коня, из-за этого злого дела обрушилась на деревню страшная метель, ударил мороз. По-

нял тогда Филька свою вину, помирился с конем — и вернулось тепло, пришла весна. Человеческая доброта и справедливость делают чудеса («Теплый хлеб»).

Одна из лучших сказок Паустовского — «Стальное колечко».

Солдат подарил девочке Варя чудесный перстень — стальное колечко. Оно может дать человеку и здоровье, и большую радость, и показать весь белый свет со всеми его чудесами. А Варя уронила колечко в снег, потеряла. Дед Кузьма по ее вине, так думала Варя, болел всю зиму. Но вот пришла весна. Варя нашла свое колечко. Выздоровел дед — охватило его весенним воздухом, пригрело солнцем. Пришла к Варюше большая радость: «встала она рано, оделась и вышла из избы... Её обдало теплым ласковым ветром, и что-то прошелестело рядом. «Кто же это прошел? А я и не разглядела», — подумала Варюша. Она не знала, что мимо нее прошла весна. Варюша засмеялась громко, на весь лес, и побежала домой. И большущая радость, такая, что не охватишь руками, — зазвенела, запела у нее на сердце».

А белый свет со всеми его чудесами? Варюша раздумала надевать перстень. «Успею, — подумала она, — нигде на белом свете не может быть так хорошо, как у нас в Моховом... Не зря же дед Кузьма говорит, что наша земля истинный рай, и нету другой такой хорошей земли на белом свете». (Мы даем инсценировку сказки в конце нашей беседы).

К.Г. Паустовский об этом и говорит своим читателям. И сказки его, и рассказы обращены к поэтическим сторонам души

человека, к какому бы возрасту они ни принадлежали.

Сказка «Стальное колечко» была переделана в пьесу, и ее увидели не только российские дети, но и зрители за рубежом.

Приехав однажды в Чехословакию, Паустовский выступил перед чешскими ребятами на премьере «Стального колечка». Это выступление как нельзя лучше отвечает на вопрос, как Константин Георгиевич относился к детству и почему такой важной считал свою литературную работу для детей: «Я очень рад, что чехословацкие зрители, главным образом, дети, увидят на сцене мою пьесу «Стальное колечко». Я был в вашей прекрасной стране всего только раз, зимой, в дни Нового года, но никогда не забуду волшебную Прагу, мохнатые от снега Богемские горы и маленькие городки, сияющие среди зимних вечеров, как освещенные ёлочные игрушки.

В одном из таких городков я увидел толпу детей около игрушечного магазина. В его витрине за зеркальным стеклом стояла нарядная ёлка.

Дети смотрели на нее, как зачарованные. И по привычке всех маленьких детей во всех странах мира прижимались при этом носами к холодному стеклу.

Как только кто-нибудь из детей прижимался носом к стеклу, ёлка вспыхивала десятками электрических свечей и вся сверкала от золотого и серебряного дождя. Но стоило оторвать нос от стекла, как ёлка гасла. Должно быть, в витрине на уровне детских носов было устроено какое-то хитрое приспособление, которое от теплоты детских носов, проникавшей сквозь стекло, рождало электрический контакт с ёлочными свечами.

Потом и мы, взрослые, стали прижимать носы к стеклу, и ёлка каждый раз охотно загоралась. Но нам, взрослым, приходилось каждый раз становиться перед

витриной на корточки, и это вызывало шумное веселье среди детей.

И вот тогда, в этом маленьком чешском городке, я подумал о том, что чехословацкие дети очень счастливые, если взрослые придумывают для них такие веселые шутки.

Будьте же всегда счастливы! Я желаю вам этого от всего сердца! И не забывайте, что счастливый человек почти всегда смел, добр и великодушен и никогда не откажет в помощи тому, кто в ней нуждается.

Что я могу сказать вам о своей пьесе? Она написана для того, чтобы прибавить людям хоть немного счастья и любви к своей родной земле. Я считаю, что это одна из задач каждого писателя».

В автобиографической повести «Беспокойная юность» Константин Георгиевич признавался: «С детских лет одна страсть завладела мной — любовь к природе. Временами она приобретала такую остроту, что пугала моих близких. Когда я возвращался осенью в гимназию из русских лесов или из Крыма, у меня начиналась жестокая тоска по прожитому лету. Я худел на глазах и не спал по ночам. Я скрывал это состояние от окружающих. Уже давно я убедился, что кроме недоумения оно ничего не вызывает. Это было как раз то «несерьезное», что, по мнению близких, коренилось во мне и мешало мне жить.

Как я мог объяснить им, что в этом моем ощущении природы было нечто большее, чем удивление перед ее совершенством, что это было не бесцельное любованье, а сознание среды, без которой человеку нельзя работать в полную меру сил. Люди обычно уходят в природу как в отдых. Я же думал, что жизнь в природе должна быть постоянным состоянием человека».

В первые годы своего творчества писатель стремился в своих произведениях показать экзотическую природу юга, шум моря, жар пустыни. Но вскоре он расстается с экзотикой и обращается к внешне неприметной, но пленительной в своей скромной красоте природе средней России.

«Будьте же всегда счастливы! Я желаю вам этого от всего сердца! И не забывайте, что счастливый человек почти всегда смел, добр и великодушен и никогда не откажет в помощи тому, кто в ней нуждается».
К. Паустовский

«Люди обычно уходят в природу как в отдых. Я же думал, что жизнь в природе должна быть постоянным состоянием человека».
К. Паустовский

Началось все со случайности. Как-то раз в московском гастрономе ему завернули пачку чая в обрывок географической карты. На этой карте помещены были глухие леса с извилистыми реками, озера, заброшенные дороги и даже постоянные дворы. И все это, что так волновало его воображение, было почти рядом, недалеко от Москвы, между Рязанью и Владимиром, в Мещерском крае.

«Открыв» для себя заповедную землю, он в то же лето поехал в Мещеру. Этот край завладел его сердцем раз и навсегда. Там он ощутил среднюю Россию своей давней настоящей родиной и «почувствовал себя русским до последней прожилки».

В 30-е годы издательство детской литературы выпустило книгу рассказов Паустовского для детей «Летние дни».

Содержание рассказов составляют маленькие происшествия деревенского лета, события из жизни рыбаков, забавные сценки, где в число действующих лиц включаются любимые детьми животные. Это рыжий бездомный кот, прозванный «ворюгой», маленький любознательный барсук, непослушный, но преданный людям щенок Мурзик, пеликан, удравший из зоопарка и принятый деревенским дедом за черта.

Весь этот добрый, ясный, гармоничный мир сверкает солнцем, дышит запахами цветущих лугов, волнует сердце прелестью русской природы.

Как живые проходят перед читателями этих рассказов их герои — сам писатель и его друзья Аркадий Гайдар, Рувим Фраерман, внук лесника Ваня Малявин, дед Митрий, по прозвищу «десять процентов». Дед этот как будто нарочно создан для того, чтобы стать героем нелепых и смешных историй. *(ПРОЧИТАЙТЕ ВСЛУХ РАССКАЗ «ПОСЛЕДНИЙ ЧЕРТ» ИЗ СБОРНИКА «ЛЕТНИЕ ДНИ»)*

Каждый рассказ связан с каким-нибудь редким происшествием, любопытным случаем.

Отличительная особенность «Летних дней» — тонкий и изящный юмор — от

рассказчика и от ситуаций, в которые попадают герои.

Смешон щенок Мурзик, пытавшийся сгрызть всё, что ему попадалось, и в конце концов сгрызший резиновую пробку: «Он грыз ее долго. Резина не поддавалась. Только через час он ее разгрыз, и тогда случилась страшная и невероятная вещь. Густая струя воздуха с ревом вырвалась из клапана, как вода из пожарного шланга, ударила в морду, подняла на Мурзике шерсть и подбросила его в воздух. Мурзик чихнул, взвизгнул и полетел в заросли крапивы, а лодка еще долго свистела, рычала, и бока ее тряслись и худели на глазах».

Старый дом, стоящий на краю села, затерянного среди лесов, — место действия многих рассказов о мещерском лете. Сюда повадился ходить рыжий бездомный кот, совершая свои пиратские набеги то на стол, накрытый к завтраку в саду, то в погреб, где хранились припасы. А однажды у ошеломленных рыбаков он утащил целый кулан со свежей рыбой. Это было уже не воровство, а грабёж, жители старого дома поклялись отомстить коту за его бандитские проделки. *(ПРОЧИТАЙТЕ ВСЛУХ ЭТОТ РАССКАЗ — «КОТ-ВОРЮГА»)*.

Через два года после выхода в свет сборника «Летние дни» вышла повесть «Мещерская сторона», тоже адресованная детям, только постарше.

Повесть разбита на короткие главки. И каждая из них представляет собой рассказ из действительной жизни. О чем они, можно судить по заглавиям: «Старинная карта», «Несколько слов о приметах», «Леса», «Луга», «Старики».

Говорит ли писатель о мещерских болотах — «мшарах», о реках и каналах или о мещерских лесах — «остатке лесного океана», он всегда говорит и о людях, героях своих простых историй: о местных жителях, «со страстью, с неистовым увлечением» объясняющих дорогу, о любопытных деревенских женщинах и рассудительных стариках: корзинщиках, паромщиках, сторожах, живущих все лето в лугах или на берегах тихих рек, о рыбаках или дере-

венских детях. Все эти люди трогательно любят природу.

О старике-корзинщике Степане сказано, что он был ворчливым, худым и тонконогим, как старая лошадь, говорил невнятно, борода лезла в рот. Лестного и приятного в такой характеристике мало. Но вот старик прислушался к дождю, который шумел в кустах то сильнее, то тише, будто играл с людьми в прятки. Послушал и сказал: «Возится этот дождь как дитё... Как ребенок — то тут шелохнет, то там. А то вовсе притаится, слушает наш разговор».

После этих слов, сказанных с такой ласковостью к обыкновенному дождю, мы начинаем догадываться, что этот ворчливый дед очень добр. И действительно, в этом нас убеждает его отношение к девочке, заблудившейся в лесу и прибежавшей на огонь к деду, его рассуждения о счастье и о Маньке Малявиной, которая в Москве в театре поет и так своими песнями за сердце хватает, что не поймешь, «откуда такая власть человеку дадена».

Любопытна фигура Прохора из рассказа «Желтый свет». Есть у него короткая, но поэтичная сказочка насчет того, почему осенью лист опадает. По Прохору, в этом деле ответчик сам человек. Выдумал порох. Потом деревенский кузнец выковал ему ружьишко. А попало то ружьишко дураку. Шел он лесом, увидел, как иволги летят под небесами. Ударил дурак по ним из двух стволов. И те листья, куда попала птичья кровь, покраснели, осыпались.

Рассказав свою сказочку, Прохор заключает: **«Так-то, милый, выходит, что сами себе навредили, и надобно нам ничего не портить, а крепко беречь. Беречь, скажем, птицу разную, или лес, или воду, чтобы прозрачность в ней была. Всё, брат, береги, а то будешь землей швыряться и дошвыряешься до гибели».**

В незавершенных рукописях Паустовского есть такое место: **«Я понял, что лучше всего в природе — это сдержанность, мягкость, тихий голос, тихие**

краски, а не крикливый блеск небес, лакированных и жарких. С тех пор я перестал бояться задушевности в природе и понял, что природа обладает иной раз такой же неумной крикливостью, как и человек. Тихий шорох дождя по кремнистому шоссе гораздо разумнее и прекраснее, чем шум ветра и ломаных ветвей. И с тех пор я старался все время жить в ладу с этой мирной природой, не оскорблять ее своими восторгами, своей верой в ее могущество, своим желанием подчинить ее человеческой воле.

Всё, что выражено в природе сверх меры, пугает людей. Природа любит, требует равновесия и тишины. Она, по существу, так же ласкова, как и любой хороший человек, будем же жить с ней в мире, чтобы целиком услышать ее задумчивый голос и узнать радость ее тишины».

Замечательную сказку по приведенной ниже инсценировке можно поставить дома с вашими детьми и их друзьями, а можно и в школе, в классе. И деда Кузьму, и солдата, и рассказчика вполне могут играть сами дети, ребятам всех возрастов это будет интересно.

«Природа любит, требует равновесия и тишины. Она, по существу, так же ласкова, как и любой хороший человек, будем же жить с ней в мире, чтобы целиком услышать ее задумчивый голос и узнать радость ее тишины».

К. Паустовский

Инсценировка сказки К. Г. Паустовского «СТАЛЬНОЕ КОЛЕЧКО»

Действующие лица:

Рассказчик.

Солдат.

Дед Кузьма.

Варюша.

Рассказчик: Дед Кузьма со своей внучкой Варюшей жили в деревушке Моховое у самого леса. Зима выдалась суровая, с сильным ветром и снегом. За всю зиму ни разу не потеплело и не закапала с тесовых крыш суетливая талая вода. Ночью в лесу выли продрогшие волки. Дед Кузьма говорил, что они воют от зависти к людям: волку тоже охота пожить в избе. Поче-

саться и полежать у печки, отогреть заледенелую косматую шкур.

Дед Кузьма, кашляя: Варюша, у меня махорка кончилась. Если бы затянуться раз-другой, мне сразу бы полегчало.

Рассказчик: В воскресенье Варюша пошла за махоркой на станцию Переборы. Купила махорки, завязала ее в ситцевый мешочек и пошла посмотреть на поезда. На платформе сидели два солдата.

Солдат: Скорый! Смотри, девчоночка, сдует тебя поездом. Улетишь под небеса. Это что у тебя в мешочке? Махорка?

Варюша: Махорка.

Солдат: Может, продашь? Курить большая охота.

Варюша: Дед Кузьма не велит продавать. Это ему от кашля.

Солдат: Эх, ты, цветок-лепесток в валенках. Больно серьезная!

Варюша: А ты так возьми сколько надо (протягивает солдату мешочек). Покури.

Солдат, отсыпав махорку в карман и взяв Варюшу за подбородок: Эх ты, анютины глазки с косичками! Чем же мне тебя одарить? Разве вот этим? (достает из кармана колечко): Носи на здоровье. Этот перстенок совершенно чудесный. Гляди, как горит.

Варюша: А отчего, дяденька, он такой чудесный?

Солдат: А оттого, что ежели будешь носить его на среднем пальце, принесет он здоровье. И тебе, и деду Кузьме. А наденешь его вот на этот, на безымянный, будет у тебя большущая радость. Или, к примеру, захочется тебе посмотреть на белый свет со всеми его чудесами. Надень перстенок на указательный палец — непременно увидишь.

Варюша: Спасибо! (и побежала к себе в Моховое.)

Рассказчик: Сорвался ветер. Посыпал густой-прегустой снег. Варюша всё трогала колечко, повертывала его и смотрела, как оно блестит от зимнего снега.

Варюша (надевая колечко на мизинец): А что же солдат ничего не сказал мне про мизинец? Дай-ка я попробую его надеть.

Рассказчик: Мизинец был худенький. Колечко на нем не удержалось и упало в глубокий снег.

Варюша: Ох! (разгребает снег замерзшими руками, плачет): Пропало колечко!

Значит, не будет теперь деду здоровья, и не будет теперь у меня большой радости, и не увижу я белый свет со всеми его чудесами. (Вытирая слезы, воткнула в снег еловую ветку, пошла домой и все деду Кузьме рассказала)

Дед Кузьма: Вот спасибо за махорку, внучка. Ты не горюй! Где упало, там и валяется.

Рассказчик: Так и не отыскалось колечко, дед Кузьма кашлял все сильнее. К весне он залез на печку. Почти не спускался оттуда и все чаще просил попить. Варюша подавала ему в ковшике холодную воду.

Варюша (плача): Дуреха! Забаловалась, обронила перстенок. Вот тебе за это! Вот тебе! (бьет себя кулачком по темени).

Рассказчик: Однажды утром Варюша проснулась и зажмурилась. Горячий свет бил в оконца. С крыши, перегоняя друг друга, падали длинные капли. Орала галки.

Варюша: Вот и весна! (идет в лес, нашла старую еловую ветку и осторожно отгребает старые листья, пустые шишки, старый мох.) Вот оно, колечко! Ничуть не заржавело! Надену-ка я его на средний палец, чтобы скорей вылечился дедушка Кузьма. (побежала домой и увидела деда, который сидел на завалинке)

Дед Кузьма: Ну, вот. Ты, вертушка, выскочила из избы, позабыла дверь затворить, и продуло всю избу легким воздухом. И сразу болезнь меня отпустила. Сейчас вот покурю, возьму колун, наготовлю дровишек, затопим печь и спечем ржаных лепешек.

Варюша (смеясь и глядя деда по косматым волосам): Спасибо колечку! Вылечило оно тебя, дедушка.

Рассказчик: Весь день носила Варюша колечко на среднем пальце, чтобы накрепко прогнать дедовскую болезнь. Только вечером, укладываясь спать, она сняла колечко со среднего пальца и надела его на безымянный. После этого должна была случиться большущая радость. Но она медлила, не приходила. Варюша так и уснула, не дождавшись. Встала она рано, оделась и вышла из избы.

Варюша (остановившись): Что это звенит в лесу, будто кто-то осторожно шевелит колокольчики? Пять часов! Рань-то какая! И тишь!

Рассказчик: Её обдало сильным, теплым и ласковым ветром, и что-то прошестело рядом. Кто-то прошел невидимый мимо Варюши

Варюша: Кто же это прошел? А я и не разглядела.

Рассказчик: Она и не знала, что мимо нее прошла весна.

Варюша (громко смеется): Побегу-ка домой!

Рассказчик: И большущая радость, такая, что не обхватить руками, зазвенела, запела у нее на сердце. Весна разгоралась с каждым днем всё ярче, всё веселее. Такой свет лился с неба, что глаза у деда стали узкие, как щелки. И все время посмеивались. А потом по лесам, по лугам сразу, будто кто-то брызнул на них волшебной водой, зацвели-запестрели тысячи тысяч цветов.

Варюша: Надеть перстенок на указательный палец, чтобы повидать белый свет со всеми его чудесами? Успею! Нигде на белом свете не может быть так хорошо, как у нас в Моховом. Это же прелесть что такое! Не зря ведь дед Кузьма говорит, что наша земля истинный рай и нету другой такой хорошей земли на белом свете!

***

Если вы и ваши дети вдоволь начитаетесь книг Константина Георгиевича Паустовского, достав их с полок своих домашних библиотек или взяв в других библиотеках, то вам нетрудно будет поиграть с маленькими читателями в такие несложные литературные игры:

● КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ ЭТИ ВЕЩИ?

- ◆ Коньки «Галифакс»;
- ◆ Бутылка с письмом внутри;
- ◆ Горячая сковородка;
- ◆ Колечко;
- ◆ Стекланный букетик;
- ◆ Кусок хлеба;
- ◆ Кукан с рыбой;
- ◆ Ноты с посвящением девушке в день совершеннолетия.

● ИЗ КАКОГО ЭТО РАССКАЗА?

- ◆ Пеликан;
- ◆ Рыжий кот;
- ◆ Березка;
- ◆ Кукла;

- ◆ Корзина с еловыми шишками;
- ◆ Удочки;
- ◆ Засушенный цветок кипрея.

В творчестве К. Г. Паустовского есть немало и биографических повестей. Все они посвящены людям искусства.

Поэзии и живописи посвящены повести «Орест Кипренский», «Исаак Левитан», «Тарас Шевченко». Это своеобразные жизнеописания, но напрасно мы стали бы искать в этих книгах развернутые биографии. Образы Кипренского, Левитана и Шевченко показаны не столько такими, какими были в жизни, сколько такими, как их видит писатель. Скорее их можно назвать «Мой Кипренский», «Мой Левитан», «Мой Шевченко». Это ведь художественные произведения, а не научные издания. Очень верно об этой особенности биографических повестей Паустовского писала критик Трефилова: «Его привлекает не возможно более точное соответствие изложенного с фактами жизни того или иного лица, но скорее их романтическая проекция, их легендарная сторона».

Повести о художниках не писались для детей, но они очень нужны юным читателям. Нужны и своими познавательными сторонами, но главное в том, что они воспитывают лучшие человеческие качества.

В повести «Тарас Шевченко» рассказ деда-автора вводит нас в страшную атмосферу николаевской России. И хотя следующие страницы — о пленительном детстве самого Паустовского — контрастируют с первыми, они не только не снимают тяжести впечатления, но наоборот, усиливают ее.

В повести о Кипренском Паустовский ставит трагическую судьбу художника в прямую зависимость от неумения связать свою жизнь с судьбой родной страны.

Кипренский прожил короткую жизнь. Она началась блестяще, но окончилась печально. И Кипренский-художник сбился с пути и умер гораздо раньше, чем Кипренский-человек.

Как бы противопоставляя Кипренскому других художников, Паустовский рассказывает о Шевченко и Левитане, жизнь которых никогда не была легкой, но они не променяли свой талант на славу. И от этого не стали менее известными.

Исаак Левитан, как верно сказал Паустовский, художник печального пейзажа. Ему, выходцу из «страны местечек, чахоточных ремесленников, черных синагог, тесноты и скудости», жизнь все время напоминала, что он «отверженный, сын рабы, испытавшей унижительные оскорбления». И в минуты хандры Левитан убегал от людей. «Они казались ему врагами. Он становился груб, дерзок, нетерпим». Природа «заменила ему родного человека: она утешала, проводила ветром по лбу как материнской рукой». И он сроднился с ней.

В творчестве Левитана, приходившего в отчаяние от несоответствия между тем, что он ожидал, и тем, что он видел в действительности, был недолгий период, когда на его картинах появилась улыбка. То было время, когда Левитан «ощутил свою близость не только к искусству России, но и к ее народу — талантливому, обездоленному и как бы притихшему не то перед новой бедой, не то перед великим сражением». Но «период улыбки длился недолго. Пейзаж радостен только тогда, пишет автор повести, когда свободен и весел человек. А Левитан не мог чувствовать себя свободным и не мог освещать свои холсты хоть слабой улыбкой.

О людях искусства Паустовский писал и в других своих произведениях, которые не назовешь биографическими.

Образ Петра Ильича Чайковского раскрыт в «Повести о лесах». Композитор никогда не был доволен сделанным. «Он никогда не ждал вдохновения. Он работал, работал, как поденщик, как вол, вдохновение рождалось в работе. Пожалуй, больше всего ему помогали леса, лесной дом, где он гостил этим летом, просеки, заросли. Зброшенные дороги. В их колеях, налитых дождем, отражался в сумерках серп месяца, — этот удивительный воздух и всегда немного печальные русские закаты.

Он не променяет эти туманные зори ни на какие подслащенные закаты Парижа. Он отдал свое сердце без остатка России — ее лесам и деревушкам, околицам, тропинкам и песням. Но с каждым днем его все больше мучает невозможность выра-

зить всю поэзию родной страны. Он должен добиться этого. Нужно только не щадить себя».

И Чайковский не щадит себя не только когда сидит за роялем. Он ночью едет к губернатору, чтобы отстоять проданный разорившимся помещиком лес от гибели. Он готов заложить свои сочинения, только чтобы выкупить лес.

Особенно ценит писатель в своих героях ясность чувств, детское, не замутненное никакими предрассудками видение мира. Отсюда и выбор героев: Левитана, Чайковского, Грина, Андерсена.

Гайдар тоже не раз встречается в книгах Паустовского. В книге о писательском труде «Золотая роза» он рассказывает, как этот большой и озорной мальчишка на спор читает наизусть целую главу из повести, над которой работает, или ночью ловит в темном вагоне воришку, вспомнив, как когда-то учитель французского языка вопрошал школяров: «Что мы видим на этой прекрасной картине?» Воришке этого было

достаточно, чтобы тотчас покинуть вагон.

Об Андерсене Паустовский писал не раз. Необычна его миниатюрная повесть «Сказочник». Писатель вспоминает тот счастливый вечер, когда он, семилетний мальчишка, впервые познакомился со сказками Андерсена: «Случилось это в зимний вечер, всего за несколько часов до наступления двадцатого столетия. Веселый датский сказочник встретил меня на пороге нового века.

Он долго рассматривал меня, прищурился и посмеиваясь, потом достал из кармана белоснежный душистый платок, встряхнул им, и из платка вдруг выпала большая белая роза. Сразу же вся комната наполнилась ее серебряным светом и непонятным медленным звоном. Оказалось, что это звенят лепестки розы, ударившись о кирпичный пол подвала, где жила тогда наша семья.

Случай с Андерсеном был тем явлением, которые старомодные писатели называли сном наяву».

ПОЧИТАЙТЕ ВСЛУХ НАЧАЛО ПОВЕСТИ «СКАЗОЧНИК» — о том, как ребенку, зачи-

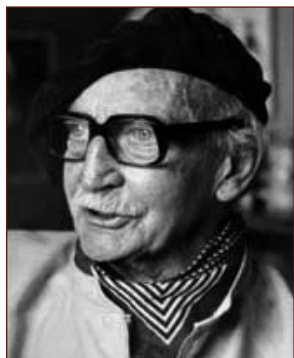

тавшемся сказками из новой, только что подаренной ему книжки, пригрезилась встреча с замечательным датским писателем, а потом уж ваши дети взахлеб будут читать жизнеописание великого датского сказочника.

Если у вас в семье есть старшие дети, устройте вместе с ними литературно-музыкальный вечер по книгам Паустовского о людях искусства. Можно найти репродукции картин Кипренского и Левитана и устроить небольшую выставку, можно послушать кассету или компакт-диск с музыкой Моцарта, предварив чтением вслух рассказа Паустовского «Старый повар». И, конечно, прочитав вслух рассказ о встрече Э. Грига с дочкой лесника Дагни Педерсен и о музыке, которую композитор посвятил ей, и прослушав это или любое произведение композитора. Еще лучше, если вы с детьми сделаете инсценировку этого рассказа или послушаете записанную на пластинку или кассету литературно-музыкальную композицию по рассказу Паустовского «Корзина с еловыми шишками».

Об Андерсене и Гайдаре можно почитать отрывки из книги «Золотая роза» — о романтическом путешествии датского сказочника в ночном дилижансе и о том, как работал над своими произведениями Гайдар.

**АЛАН
МАРШАЛЛ
(1902—1984)**

Австралийский писатель Алан Маршалл родился на западе Австралии, в штате Виктория. Его детство прошло в сельской местности среди экзотической природы, полной удивительных растений и животных.

В предисловии к русскому изданию своей книги Алан Маршалл пишет: «События, о которой рассказывается в этой книге, развертываются на фоне обстановки специфически австралийской. Речь идет о периоде, который ушел в прошлое: машины начали вытеснять лошадей, а синдикаты — поглощать мелкие предприятия.

Я рос в стране, не похожей на вашу. Здесь листья деревьев обращены к земле, чтобы укрыться от солнца, тогда как в вашей стране сочная листва тянется навстречу солнцу. Мою землю населяли редкостные животные и птицы, солнце жгло у нас немилосердно, засуха и лесные пожары несли разорение фермерам.

Я родился в 1902 году, через сто сорок лет после того, как в Австралии появились первые поселения ссыльных каторжан. Отец мой, родившийся в конце 60-х годов прошлого столетия, знал этих поселенцев, на спинах их еще сохранились следы каторжной плети.

Отец Маршалла начал работать с двенадцати лет. «Всё его образование, — пишет Маршалл в автобиографической повести «Я умею прыгать через лужи», — ограничилось несколькими месяцами занятий с вечно пьяным учителем. Начав самостоятельную жизнь, отец колесил от фермы к ферме, нанимаясь объезжать лошадей или перегонять гурты».

Шести лет Алан заболел детским параличом, сделавшим его инвалидом на всю оставшуюся жизнь. В автобиографической повести «Я умею прыгать через лужи» он рассказывает, как учился овладевать тем, что было естественно для его сверстников, а ему давалось ценной невероятных усилий.

Обстоятельства жизни породили в нем не озлобление и зависть, а доблесть и мужество, внимание и сочувствие к другим людям.

Это проявилось уже в больнице, где мальчик должен был подолгу лежать, испытывать мучительное лечение, которому его подвергали. Правда, люди, лежавшие в больнице с мальчиком, не всегда понимали, что не нужно травмировать ребенка своим сочувствием или насмешками. Не потому, что были жестокими, а потому, что были темными и измученными жизнью.

Дома родителям тоже приходилось подвергать сына мучительным процедурам. И спасали мальчика только лошади, которых он страстно любил: «Каждое утро я уносился с ними от нестерпимой боли. Страх, обуревавший их и меня, сливался воедино и тесно связывал нас как товарищей по несчастью.

Моя мать упиралась руками в мои приподнятые колени и, крепко зажмурив глаза, чтобы удержаться слезы, всей тяжестью наваливалась на мои ноги, пригибая их книзу, пока они, распрямившись, не ложились на стол. Когда они распрямлялись под тяжестью ее тела, пальцы на них растопыривались и потом скрючивались наподобие птичьих когтей. А когда сухожилия начинали тянуться и вытягиваться, я громко кричал, широко раскрыв глаза и уставившись на обезумевших от ужаса лошадей над камином. И в то время, как мучительные судороги сводили мои пальцы, я кричал лошадям:

«О, лошади, лошади! О, лошади, лошади».

Отец и мать мальчика были людьми мужественными и без стога принимали беды, которые их преследовали. И мальчик верил матери и отцу и очень ими гордился: «Я уважал взрослых. Я думал, что они могут преодолеть любую трудность и обладают большим мужеством. Они могли починить любую вещь, они все знали, на них можно было положиться. Я с нетерпением ждал того времени, когда вырасту и стану такими, как они, — настоящим мужчиной».

Отец хотел, чтобы и его сын рос мужественным и бесстрашным, поэтому он одобрял, когда мальчик ввязывался в драки, лазил туда, куда мог бы не каждый залезть. Он говорил Алану: «Когда ты будешь смотреть на других, то в это время и сам ты старайся вместе с ними бегать, и драться, и состязаться, и скакать верхом, и орать благим матом. А о ногах своих забудь».

И Алан овладевал постепенно всем, чем владели его сверстники: скакал на лошади, лез в гору, шел на костылях на большие расстояния. И не допускал мысли, что ему будут давать какие-то послабления.

Учитель в школе за малейшую провинность бил детей тростью. Алан признается: «Я боялся его, как тигра». Но плакать никогда себе не позволял, тем более, что у его товарищей это было не принято: «Не плакать, когда на тебя обрушивались удары трости, считалось у нас признаком

стойкости и выдержки. Мальчики, заплаканные от боли, уже не могли командовать другими. На школьном дворе даже малыши вступали с ними в бой, уверенные, что одержат верх. Моя гордость требовала, чтобы я в чем-нибудь да отличился, вызвав восхищение товарищей, а поскольку возможности мои были сильно ограничены, я воспитал в себе презрение к трости... После наказания тростью я не мог удержаться костыли: онемевшие пальцы отказывались сгибаться, и я добирался до своего места, подсовывая руки под перекладины костылей тыльной стороной».

«...Когда юноша окончил школу и коммерческий техникум, его никто не хотел принимать на работу, понимая, что калека не в состоянии делать то же, что его сверстники. Об этом он с горечью писал в двух своих других повестях «Это трава» и «В сердце моем», но к тому времени Маршалл уже был человеком с непреклонным характером и силой воли. И он мечтал стать не столько бухгалтером, сколько писателем.

Он побывал клерком, ночным сторожем, а все свободное время пробовал писать. Ежедневные газеты не очень хотели печатать его очерки, потому что они рассказывали о тяжелой жизни австралийских рабочих. Кроме того, он выступал против войны и фашизма, писал очерки в поддержку республиканской Испании.

Самый первый роман писателя «Как прекрасны твои ножки», написанный в 30-е годы, тоже автобиографический. Он рассказывает о рабочих обувной фабрики, на которой работал бухгалтером Маршалл.

Широкую известность принесла Маршаллу его трилогия «Я умею прыгать через лужи», «Это трава», «В сердце моем».

Писатель много путешествовал по Австралии. Он знакомится с коренными жителями — аборигенами, изучает их нрав, записывает их легенды и сказания. Аборигены дали ему почетное звание — «Гуравилы», что значит «сочинитель историй».

В своих очерках он с возмущением выступал против бесправия аборигенов: «В

Австралии существует рабство — рабство в самой постыдной и жестокой форме. У нас еще можно, за десять шиллингов купив разрешение нанимать аборигенов, получить неограниченную власть над любым их числом... можно убить аборигена, не боясь наказания. Белым все можно». В 60-е годы вышла его книга о аборигенах «Мы такие же люди». Литературно обработанные сказания аборигенов составили книгу «Люди незапамятных времен».

Русский писатель Юрий Нагибин, который дружил с Маршаллом, бывал у него в гостях в Австралии и встречался с ним в Москве, рассказал потрясающую историю о том, каким бесценным подарком наградили аборигены своего любимца:

«Мои соплеменники» — с полным правом назвал Маршалл свою книгу, посвященную аборигенам. Люди с бумерангами всегда считали его своим. И они были искренне огорчены, узнав, что для их друга, умеющего охотиться, ловить рыбу, метать копье, скакать на лошадях, недоступны горы. Он никогда не был в горах. Правда, мальчиком он вскарабкался однажды по заросшему папоротниками склону в жерло потухшего вулкана и заполз в кратер, но то не было настоящей высотой. А в Австралии есть очень высокие горы, с вершинами, покрытыми снегом, и земля оттуда видна далеко окрест, даже с самого рослого эвкалипта не охватишь столько пространства. Аборигены решили доставить Алана на вершину горы. Человек доверчивый, любящий риск и приключения, он ни о чем не спрашивал.

Вышли перед рассветом. Там, где началась крутизна, Алана усадили на деревянную дощечку, подняли до уровня плеч и велели держаться за шеи носильщиков. У подножия горы ночь была непроглядно черна. «Держись», — сказали невидимые носильщики и прянули из тьмы во тьму.

Они продвигались быстро, почти бегом, и Маршаллу подумалось, что они не рассчитали сил. Но шагов через пятьсот-шестьсот один из носильщиков коротко свистнул, ему тут же отозвались; от ночи отделились два сгустка тьмы, приняли но-

шу и, не задерживаясь, устремились вперед и вверх. Так поднимались они без остановок: свист, подстава, пробежка, хриплое дыхание — Маршалл пытался угадать, кто его несет. Прореживалась тьма, светлело небо в близости восхода, вскоре Маршалл стал различать лица своих носильщиков. Многих из них он не знал, да это было и не важно, коль все они были его соплеменниками. Затем ему заложило уши — новое незнакомое ощущение от разреженного воздуха.

Круче и круче становился подъем, чаще и чаще подмены. Скорость не утрачивалась. Молчаливые, коренастые, надежные

люди все учили. Свист, толчок, пробежка, свист, толчок, пробежка... И вот раздался какой-то особый свист — долгий, ликующий — и не последовало очередного толчка. Носильщики стояли тяжело дыша. От них тянуло мускусом пота. Над головой, мерцая, серебрился небесный свод в гаснущих одна за другой звездах. Светлая полоса на востоке заблестала. Вот-вот из-за окоема появится солнце. В опрозрачневшем сумраке обрисовывались, обретая краски, становясь плотной материей и самими собой,

гряды гор, холмы, леса, купы деревьев, реки, задрожавшим сердцем постиг Маршалл земное пространство.

Вот какой подарок сделали соплеменники своему писателю, вот как они понимали дружбу».

Автобиографическая трилогия вполне доступна для чтения подростков, хотя специально для них часто издается первая книга — «Я умею прыгать через лужи». Сам автор считал книгу лучшим своим произведением. Это, несмотря на болезнь, возвращение в светлый и радостный мир детства. Главное в повести — борьба мальчика с обстоятельствами, с людьми, не понимающими психологию подростка, унижающих его своей жалостью.

Еще в детстве Алан придумал себе «другого мальчика», с которым никогда не соглашался, боролся с ним. Тот был осторожным и беспомощным, а настоящий Алан был упрямым, настойчивым, смелым. Он дрался

со школьным недругом на палках, добирался к жерлу потухшего вулкана, скакал на лошадях. И ощущал все это как победу над трусостью и малодушием.

Очень много дали ему родители. Они не хотели делать из сына хлюпика, не верящего в себя, деликатно поддерживали, ни на час не давали сомневаться в том, что он может достигнуть всего, чего захочет. Когда однажды мать сказала отцу, что нельзя же подвергать мальчика опасности, давать ему возможность еще больше покалечить себя, отец ответил: «Ограждая его голову от ударов, мы можем разбить ему сердце».

Сам преодолевая боль, мальчик хорошо чувствовал боль других. И не только людей, но и животных, которых вокруг было множество.

Потрясают страницы, описывающие, как Алан и его старший товарищ спасали умирающих от жажды и бескормицы лошадей:

«Их было больше двадцати. Старых и молодых; они шли опустив голову. Но вот они почуяли воду и, прибодрившись, затрусил трусцей. Теперь они старались держаться подалеже друг от друга: одна лошадь, споткнувшись, могла увлечь за собой и других, а если они падали, то больше не поднимались. Ни одна из этих лошадей не пожилась уже больше месяца. Часть из них шла ровной рысью, некоторые неуклюже раскачивались на ходу, но каждая старалась сохранить расстояние между собой и другими.

Завидя водоем, они заржали и побежали быстрее. Вдруг гнедая кобыла, у которой крестец торчал так, что мне казалось, что он вот-вот порвет ее сухую кожу, а все ребра можно было пересчитать, остановилась и зашаталась. Ноги ее подогнулись... Она не споткнулась, нет, — она рухнула, вытянувшись слегка вперед, ударившись мордой о землю и уже потом перекатилась на бок.

С минуту она лежала неподвижно, затем сделала отчаянную попытку подняться. Она встала на передние ноги, чтобы подняться совсем, напряглась, силясь поставить и задние, но они подкосились, и лошадь опять упала на бок. Мы побежали к ней, а она подняла голову и посмотрела в сторону воды. И когда мы стояли

рядом с ней, она продолжала смотреть туда же.

— Слушай, — закричал я Джо. — Мы должны поднять ее! Ей нужно только напиться, и она оправится. Посмотри на ее бока. Она высохла как кость. Возьмем ее за голову.

Джо встал рядом со мной. Мы подсунули руки под шею лошади и попытались поднять ее, но она лежала неподвижно и тяжело дышала.

— Пусть отдохнет немного, — посоветовал Джо. — Может, тогда она встанет.

Мы стояли рядом с лошадью в сгущающихся сумерках и ни за что не хотели примириться с тем, что она должна умереть. Мы были взволнованы и раздражены безвыходностью положения. Нам хотелось уйти домой, но мы боялись расстаться: тогда каждый остался бы в одиночестве и мучился бы, думая, что она умирает здесь, в темноте.

Вдруг я схватил ее за голову. Джо ударил ее по крупу. Мы начали на нее кричать. Она попробовала было встать, но потом снова упала. Тяжелый стон вырвался у нее из груди, и голова лошади опустилась на землю.

Мы не могли этого выдержать.

— Куда всех черти унесли, — сердито закричал Джо, глядя по сторонам на пустынную дорогу, как бы ожидая, что вот-вот появятся дюжие фермеры с веревками и бросятся нам на помощь.

— Надо напоить ее, — сказал я в отчаянии. — Пойдем за ведром.

...Джо принес ведро, и мы наполнили его у водоема, но оно оказалось слишком тяжелым, и Джо не мог один справиться, и мне пришлось ему помогать. Мы несли ведро урывками, по ярду за раз. Схватившись вместе за ручку, мы, размахнувшись, ставили его на ярд вперед. Потом, поравнявшись с ведром, снова переставляли его; повторив это движение раз двенадцать, мы подошли к кобыле.

Мы слышали, как она заржала при нашем приближении. Когда мы поставили перед ней ведро, она погрузила голову глубоко в воду и начала втягивать ее в себя с такой силой, что уровень воды вокруг ее морды стал быстро падать, и через минуту ведро было пустым.

Мы принесли ей еще одно, она осушила его, потом еще и еще... Тут я совсем ли-

шился сил. Я упал и не смог встать. Я лежал около лошади в полном изнеможении».

В романах «Это трава» и «В сердце моем» Маршалл продолжил тему, начатую в первой части трилогии. Как найти свое место в немилостивой, а часто и откровенно жестокой действительности человеку, по мнению многих, неполноценному? Мальчик Алан научился прыгать через лужи. Жестокими драками, скачкой на плохо обьеженных лошадях, далекими походами он заслужил признание сверстников. Но многие взрослые люди оставались тупо убеждены, что жизнь его ущербна и он нуждается в особом отношении. Нелегко завоеванное равенство кончилось, когда он перешел в другой возраст, в юность, и сделал первые попытки найти работу. Оказывается, за калекой в мире жестокой конкуренции не признают равных прав. Было мучительно трудно получить место, когда же он наконец добился своего, ему стали платить лишь половину положенного жалования. Алан был хорошим, исполнительным клерком, потом стал высококвалифицированным бухгалтером, его ценность как работника не вызвала сомнений, но рядом с конторкой стояли костыли, а за окнами офиса маячили тени безработных... И Маршалл стал снова учиться «прыгать через лужи», бороться за свое достоинство.

Уже в старости Маршаллу пришлось вынести еще одно испытание: он сломал ногу. Она заживала плохо и мешала ему. Ногу пришлось ампутировать.

Вера в победу добра, в счастье, которое зависит от тебя самого, придавала Маршаллу силу и уверенность в том, что мир прекрасен. И эта вера передается читателям.

Читайте вместе с детьми о жизни этого героического человека! А еще хорошо было бы прочитать литературный портрет Маршалла, написанный известным русским писателем Юрием Нагибиным: «До новой встречи, Алан!» Этот литературный портрет включен во многие сборники произведений писателя, и найти его в библиотеках несложно.

А теперь, когда Вы познакомили детей с этими замечательными писателями, попробуем закрепить интерес к прочитанному, углубить восприятие литературных произведений. Поэтому мы придумали **«именинное» литературное лото.**

«ИМЕНИННОЕ» ЛИТЕРАТУРНОЕ ЛОТО

Сделать его совсем просто. Оно выглядит так же, как известное нашим бабушкам и дедушкам семейное лото, в которое играли в семье длинными зимними вечерами: карты с цифрами и «бочонки». Кто-то «выкрикивал» цифру, обозначенную на «бочонке, и надо было быть внимательным, чтобы не прозевать и накрыть эту цифру на своей карте.

Вырежьте вместе с детьми из картона или плотной бумаги десять карт. В клетках на карте напишите фамилии писателей, с которыми ваши дети познакомились при помощи нашего журнала:

Чуковский;

Катаев;

Диккенс;

Лонгфелло;

Милн;

Кэрролл;

Толкин;

Паустовский;

Маршалл.

А на небольших кусочках картона напишите цитату из знакомого произведения или характеристику героя книги. Перемешайте эти кусочки картона. Ведущий будет доставать их из коробки или пакета и вслух зачитывать текст, написанный на них. А остальные играющие должны закрыть «бочонком» нужную клетку на своей карте.

У каждого играющего будет три или две карты, в зависимости от числа играющих. Побеждает тот, кто первым правильно закроет все клетки на своих картах.

Вот примерно то, что может быть написано на маленьких карточках:

- Герой, у которого во лбу горит волшебная звезда (Д. Толкин — «Кузнец из Большого Вуттона»).

- Моряк, подаривший своей жене перед премьерой стеклянный букет (К. Пустовский — «Стеклянный букет»).
- Отец мальчика — объездчик лошадей (А. Маршалл — «Я умею прыгать через лужи»).
- Композитор, подаривший умирающему старику свою музыку (К. Паустовский — «Старый повар»).
- Обезьяна — помощник доктора (К. Чуковский — «Доктор Айболит»).
- Очень маленькое существо (А. Милн «Винни-Пух и все-все-все. Поросянок Пятачок»).
- Сова-грамотейка, пишущая поздравления друзьям (А. Милн — «Винни-Пух и все-все-все»).
- Кот, умеющий исчезать так, что оставалась одна улыбка (Л. Кэрролл — «Алиса в стране чудес»).
- Мистер Бамбл, полицейский. (Ч. Диккенс — «Оливер Твист»).
- Миннегага, невеста индейского вождя (Г. Лонгфелло — «Песнь о Гайавате»).
- «Прошу падёргать, эсли не открывают (А. Милн — «Винни-Пух и все-все-все»).
- Я занит. Щасвернус» (А. Милн — «Винни-Пух и все-все-все»).
- «Завернутый в одеяло, которое до этой минуты составляло его единственный покров, он мог бы быть принятым за сына аристократа и за сына нищего» (Ч. Диккенс — «Оливер Твист»).
- «Скушает кошка летучую мышку? Скушает мышка летучую мошку?» (Л. Кэрролл — «Алиса в стране чудес»).
- «Нет, я посмотрю сначала, написано там «яд» или нет» (Л. Кэрролл — «Алиса в стране чудес»).
- «На пиру они сначала Осетра и щуку съели, Приготовленных Нокомис» (Г. Лонгфелло — «Песнь о Гайавате»).
- «И на горных высях стоя, Закурил Владыка жизни Трубку мира, созывая Все народы к совещанью» (Г. Лонгфелло — «Песнь о Гайавате»).
- «А поганых тараканов я повыведу, Прусаков и пауков я повымету» (К. Чуковский — «Федорино горе»)
- «Бабочка-красавица, Кушайте варенье! Или вам не нравится Наше угощенье?» (К. Чуковский — «Муха-цокотуха»)
- «Петя залюбовался морем. Сколько бы ни смотреть на море, оно никогда не надоедает» (В. Катаев — «Белеет парус одинокий»).
- «Знакомая торговка сидела на детской скамеечке под парусиновым зонтиком» (В. Катаев — «Белеет парус одинокий»).
- «Ты, наверно, был бы чемпионом. Предположим, ты стартовал бы наравне со всеми. Это ничего не значит. Ни у одного парня нет таких рук, как у тебя» (А. Маршалл — «Я умею прыгать через лужи»).
- «Тут я вдруг почувствовал свое отличие от других. Это чувство удивило меня» (А. Маршалл — «Я умею прыгать через лужи»).
- «А про бутылки вы знаете? — Про какие бутылки? — Про почтовые. — Нет, не знаю» (К. Паустовский — «Подпасок»)
- «Жил в Бережках со своей бабкой мальчик Филька по прозвищу «Ну-тебя». (К. Паустовский — «Теплый хлеб».)
- Его вспышка поразила меня. Я никак не связывал содержание песни с собой» (А. Маршалл — «Я умею прыгать через лужи»)
- «Он с ужасом представил себе тот день, когда все откроется: и «ушки», и сандалии, и вицмундир, и копилка Павлика» (В. Катаев — «Белеет парус одинокий»).

Если вам покажется, что некоторые вопросы трудны вашим детям, их всегда можно убрать или заменить.

Это может быть долговечным, ведь не обязательно брать только те книги, о которых мы рассказывали. Можно включать в число вопросов любые другие произведения, которые вам покажутся интересными.